

А НАСТАСИЯ ТОК

ВСПОМИНАЯ О ТОМ, ЧТО
СЕЙЧАС В БУДУЩЕМ

12+

Анастасия Ток
Анастасия Ток
Вспоминая о том,
что сейчас в будущем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65836206

SelfPub; 2021

Аннотация

В городе Хилтопгер все идет своим чередом: в пабе Black cat рокеры поют до хрипоты, рвут струны гитары под панк-рок и теряют в пылу азарта микрофоны; в пекарне White cat мирно пьют чай, зажевывая его румяными круассанами под мелодии французского шансона. Но все меняется, когда один ученый-отшельник, средневековый путешественник во времени, случайно вызывает в своем фургоне злой дух ведьмы по имени Фрида...

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	55
Часть 3	130

Анастасия Ток
Вспоминая о том,
что сейчас в будущем

«Лучше уж сны, где сказки мои»

Михаил Горшенёв

Часть 1

Глава 1. Место не для всех

Если прийти в это место, не зная его названия и назначения, то можно подумать, что находишься в театре: на стенах висит большое количество венецианских масок. Но стоит только перевести взгляд, как тотчас же в глаза бросаются неряшливо приколоченные плакаты: «Мы ждем перемен»¹; «Соловьи, я не с вами»², «Мой князь – князь тишины»³. С этих выхваченных из песен строк, ставшими лозунгами, струйками стекает черная и красная краска. Под плакатами кухонным ножом криво выцарапана символика анархии, значок пацифистов и странные иероглифы на языке древних племен. Тут же висят яркие картины кисти явно профессионального, но не похожего в своей манере на других, художника. Должно быть, однажды его настигнет слава и признание. А вот и сам творец, создатель полотен, сидит в уголке и скрупулёзно работает над очередным холстом. Это рыжий одноухий пес в легкой голубой рубашке и со взглядом, полным азарта, который вот-вот перейдет в отчаяние. Будто бы работает он не кистью, а нервами, и одна внутренняя

---

¹ группа «Кино» «Хочу перемен!»

² «Бригадный подряд» «Соловьи»

³ «Наутилус Помпилиус» «Князь Тишины»

безграничная боль поддерживает его дух. Над ним стоит рыжая кошка – официантка Жанна с огненным цветом короткостриженных волос и темно-зеленой челкой. Она задумчиво смотрит на эскиз и пускает из дорогой сигареты ядовитые клубы дыма. Табак приятно обжигает горло и нос, а пахучий дурман ненавязчиво разгонят суетные мысли, образуя тупую пустоту в голове. Художник пишет то, что видит. А видит он сцену, заваленную окурками, неприбранными жестяными и мятыми пивными банками. Стройно стоят только инструменты: гитары, барабаны, динамики и микрофон. Лишь им одним здесь оказывается честь. Странное и контрастное место, которое, судя по всему, создавалось такими же странными и разными существами. Никто не знает, как его строили, это получилось, как будто бы, само собой. Но все знают, что из этого вышло. Место встречи рок-молодежи, приют не для всех, а только для неформалов и чудаков: паб «Black cat».

Глава 2. Обитатели «Black cat»

Поздний вечер третьего апреля. Уличный асфальт отдаст накопленное за день тепло, вяло покачиваются на ветру деревья, чьи кроны, освещены лучшим софитом этого мира – Луной. Ночь – удивительное время. Почему-то именно в темноте всё становится искренним, настоящим, будто бы становится легче сбросить маску. Городская жизнь затихает, открыт лишь только паб «Black cat», где только что отгрехотал очередной концерт. Для официанток начинается самая рутинная работа, состоящая из ленивой уборки столов,

вытирания лужиц от разных напитков, заметания пепла. Куда веселее бойко разносить пенящиеся кружки, искрящиеся бокалы под общий гвалт радости, крики протеста, одержимость безудержным весельем. Жанне не привыкать к работе в пивнушках с вьедливым запахом, смешивающегося здесь с дымком от рваных струн. В этом пабе часто ломают гитары или пробивают барабаны насквозь. Жанне, конечно, хочется поскорее окончить свою смену и уйти к себе домой, на чердак. Она не случайно выбрала именно такое место. При незначительной экономии и отказа от сигарет официантке вполне хватило бы денег на аренду квартиры в районе окраины, однако ей непременно нужно быть ближе к облакам и небу. Немногие знают, но как только выдается свободная минутка, Жаннетт бежит к двум деревьям, между которыми струной натянут канат. Она встает на него, начиная грандиозную и извечную схватку жизни со смертью. Тоненькая веревочка троса делит не только стихии: небо и землю, но, кажется, и самого канатоходца на две части. Первая из них – паб, вторая – бесконечный небесный простор. Маленькая фигурка рыжей трюкачки балансирует между двумя крайностями, не желая окончательно раствориться ни в одной из них.

Один из завсегдатаев, мэтров, корифеев своего дела, панк по имени Доггер с мрачным видом сидит на сцене. Он сосредоточенно и напряженно рисует на мятой бумаге свой извечный сюжет: череп и выходящую из него бесконечную

дорогу. Особого таланта к рисованию у него нет, но именно такая картинка, как ни странно, всегда получается удачно. Шерсть пса красноватого оттенка, скорее всего, он специально подкрашивает ее ради радикальности образа. Изпод краски проглядывает его натуральный кофейно-бежевый цвет с кофейным оттенком. Спина контрастно подчеркнута темной шерстью. На голове у панка, как и полагается, черный с красными концами ирокез. Шея увенчана пародией на строгий деловой галстук – черно-синей лентой с торчащими концами. Это своеобразный вызов деловому стилю и всякому представлению о красивых галстуках. К сцене твердой и решительной походкой приближается еще один герой, а точнее, героиня паба. Ей, к сожалению, всегда отдаются второстепенные роли – аккомпанемент и аранжировка для кого-то. Это черная кошечка Джейн со строгими голубыми глазами, легким черным (иногда синим) платьем, шпагой на поясе и гитарой через плечо. Она была бы рада встать на сцену, взяться за свой инструмент, ударить по струнам, но не отойти, как обычно в сторону, а запеть самой. Джейн есть чем поделиться с публикой: у нее целая куча тетрадей, исписанных мыслями, песнями... Но трудно, ужасно трудно, обратиться к микрофону, когда горизонт застилают такие мэтры, как Доггер. Ее лапы крепко сжимают книгу с лаконичным названием «Мы». На кошке красный ошейник, который она носит, словно пытаясь зажать себя в каких-то рамках, ограничить собственную свободу. Джейн несет на себе

целый ворох вещей, которые не мешают, а будто бы поддерживают. Черная кошечка подходит к Доггеру и грубоватым голосом спрашивает:

– Слушай, Дог, помоги микрофон найти. Почему-то после твоих выступлений все всегда верх-дном, все как в провальную яму.

– Погляди в архивах, – не отрываясь от рисунка отвечает пес.

– Все архивы сплошь завалены твоими исписанными бумагами и рисунками типа того, что у тебя сейчас в лапах.

– Что поделать, у меня богатый полет мысли!

– Ага, но при этом бедный карман! – начинает издеваться Джейн, зная щепетильность Доггера в денежном вопросе.

Доггер откладывает свой рисунок на край сцены, с ним же оказывается в стороне и его искренность. «Игра начинается!» – с азартом и нарастающим внутри весельем думает пес. Да, панк уже давно научился прятать свою настоящую сущность за напыщенными фразами, фиглярскими манерами, заработав себе репутацию шута-кривляки. Он порывисто поднимает голову вверх, закрывает глаза, начинает патетическую речь, испещренную театральными вскриками:

– Ах, не говори мне о деньгах! Ох, я живу ради своей музыки!.. Одного только не знаю, как поднять продажи своего нового винила... Я, знаешь ли, большой души пес. Все для всех, а себе – ничего.

– Вот значит как? А я думала сказать тебе, что где-то

неподалеку кто-то уронил монету... Я только сейчас слышала звон. Но раз ты такой щедрый...

– Где?! – оживает Доггер, вот-вот готовясь сорваться с места и кинуться за грошом.

– Там же где и микрофон! – чувствуя глухое раздражение в себе напоминает Джейн.

– Ах да, микрофон... Я помню его. Такой черный. Как ночь. Нет, как две глубокие ночи. Все певцы держались за него, словно за волшебный и могущественный посох, создающий чары собственных иллюзий звука. А его серебряные прутья мелкой решетки! В них эхом звенит мелодия, наполненная...

– Прибереги байки для своих зрителей! Где микрофон?!

– А, этот... Я пролил на него пиво.

– Что?!

– Он так хрипел, когда оказался... во хмелю! Ха-хах! Это был ночной концерт, я выживал как мог.

– Все у тебя с дурью пополам, – обречено подводит итог Джейн. «Что с него взять? Разыгрывает из себя дурака, строит гримасы, а нам, живым и настоящим, об его маски, как о стенку горох! Зрители это любят, но я не собираюсь аплодировать этому шоу!»

– Да, но зато нервы покойны. Не заметила?

Паб даже в ночные час не бывает пустым. Вот и сейчас с кипой бумаг, мелкими, легкими, робкими и нерешительными шагами затрусил кролик по имени Черничка, поэт и глав-

ный романтик паба. Звук от его лапок глухо раздавался, ударяясь о пол и тотчас же таял, как таят круги от брошенного в воду камня. У него белых мех с черными пятнами по бокам и вокруг глаз, темные хвост и уши. Проходя мимо сцены, он с восхищением смотрит на Доггера, радостно улыбнувшись ему внутри себя. Но что-то вдруг омрачает его настроение и с некоторой долей волнения кролик застенчиво замечает:

– О нет, Доггер! У тебя ирокез вот-вот отклеится.

– Быть того не может! Мать моя анархия! Карьера... рухнула! Звезда померкла! Скажите всем, что шоу не будет! – тотчас же забыты слова о спокойных нервах. Паника накрывает панк-рокера огромной волной, унося его в свой омут. Он суетливо бегаёт по сцене, добавляя к быстрому стуку лап о пол нелепые вскрикивания.

– Успокойся, сегодня у тебя нет концертов. – сочувствующе успокаивает Черничка. Он уже успел пожалеть о сказанных невзначай словах, проклиная свою неосторожность.

– Глупый! Как ты не понимаешь всю глубину моего провала! Их же потому и нет! Занавес закрылся, а я прогорел! Все, скажите прессе, что я уйду со сцены в скорбном молчании! И не нужно слез!

Артист никогда не прощает себе публичного позора на глазах у публики, и пусть даже зал не полон. Доггер предпочитает уйти как можно скорее, переживая свое фиаско в одиночестве. Сцена пустеет.

– А я-то думал, что на этой сцене все настоящее... И ирокез тоже, – разочарованно вздыхает Черничка.

– Я когда-то тоже так думала. Будто все вокруг истинное, подлинное, незапятнанное. А потом только выяснилось, что жизнь – кривое зеркало, где грязное может быть чище чистого, черное – белее белого, – обреченно подводит итог Джейн, поставив точку в разговоре.

Глава 3. При Луне

Рыжий огонек горящей свечи освещает страницы книги Данте «Божественная комедия», полной рукописных замечаний и карандашных подчеркиваний. Видимо, ее читатель – поэт или писатель, который черпает в книге вдохновение. На столе рядом с книгой страшный бардак, свойственный всем творческим натурам. В одну кучу свалены листы бумаги, в открытую чернильницу воткнуто растрепанное очиненное перо рябчика. Пепельница в виде черепа призывает помнить о вреде табака, но тут же лежат открытые пачки недокуренных сигарет, а венчает этот разгром дешевенькая деревянная и расписанная акрилом фигурка шута, с чьего лица не сходит озорная улыбка. Похоже, что хозяин подвержен неожиданным наплывам вдохновения, в пору которых он готов исписывать лист за листом, но после волны эйфории наступает резкий спад и работа снова останавливается до неопределенной поры. Тот, кто живет в этой комнате украсил стену портретом Владимира Маяковского, написав под ней красной краской: «Нате!». А еще ниже, уже черной

краской, добавил: «панки по пьянке». Футурист с плаката суровым взглядом смотрит на владельца дома и готовится вот-вот сбросить того с «парохода современности», завладев рабочим столом, комнатой, и даже недопитой кружкой чая. Хозяин этого жилища – пес Доггер, который несколько часов назад неистово скакал, как шут, по сцене в пабе и, меняя один образ другим, пел свои песни. Сейчас он сидит в своем доме, в мягком и уютном кресле, читает Виктора Гюго «Человек, который смеется», не подозревая о том, как его сверлит глазами Маяковский с плаката. Доггер решает отвлечься от чтения, ведь он любит делать паузы, задуматься о прочитанном или о самом себе. Рокер восторженно смотрит на холодно-белую луну в его окне: «Какая загадочная и тем прекрасная планета!» Сам не замечает, как вдруг мечтательно произносит:

– Он любил ее, а она любила летать по ночам⁴...

Неожиданно в комнату входит Черничка, облачившийся в золотистую накидку. Когда-то его постигло страшное несчастье, лишившее крыши над головой. Он стал замкнут, неприветлив и именно тогда растерял способность к богатому выражению эмоций внешне. Но кролику повезло: он встретил Дога, который как мог научил его стихосложению, познакомил с поэзией и приютил в своем доме с зеленой крышей, позволив читать книги и баловаться сложением рифм. Шаги Чернички не слышны и не возмущают царяще-

---

⁴ «Машина Времени» «Он был старше ее»

го умиротворения. Кролик, как всегда, сдержан, спокоен, на его мордочке ни тени усталости, тревоги или радости. Говорят только его глаза. Сейчас они зажглись интересом и любопытством. Будучи любителем прекрасного и всего красиво сказанного, он спрашивает у Доггера:

– Что-что? Интересные стихи! И будто про меня!

Пес вздрагивает. Никак не ожидал он сегодня под вечер гостей. «Игра началась!» – пронеслась в его голове спасительная фраза, выход из любых ситуаций и удачный ключ ко всем замкам.

– Шпион морковный! Уши-то как локаторы. Говорю, он ненавидел ее и это хорошо, потому что она все равно разбилась, когда летела к нему ночью, – резко отвечает панк.

– Мне послышалось другое... – разочарованно вздыхает кролик. Беседа о поэзии не состоялась, а ему опять влетело за собственные слова. Видимо, он может пользоваться ими только на бумаге.

– Каждый слышит то, что хочет слышать.

Черничка пристыженно опускает глаза, взгляд скользит по дощатому полу, а оттуда на окно. Вот оно спасение – звездное небо! Кролик с восторгом подходит к окошку, улыбается, нездешним мечтательным взором глядит на небо:

– Знаете, а я теперь совсем не сплю по ночам! Смотрю на

небо, учитель!

Настроение у Доггера уже испорчено. Его вечернее чтение наглым образом прервано, мысли спутаны ушастым пронырой. Вообще-то пес любит своего подопечного за искренность и преданность, но только бы тот не докучал своими поэтическими замашками. Теперь у длинноухого новая идея: себя кролик хочет называть «учеником», а Дога – «учителем». Начитавшись Гете, мечтает быть Вагнером при Фаусте.

– Какой, к лешему, учитель?! Научись сначала разбирать мои бумаги так, чтобы я их потом не путал снова, а уж потом в ученики записывайся... И на кого же ты там смотришь в окне? На елки?

– Нет, на звезды...

– М-м, и что? Все на месте?

– Да. Но зачем мне все, когда у меня есть одна – Кларабелль.

– Чё? – небрежно бросает Дог, явно не понимая слов своего соседа.

– Кларабелль! Я нашел ее одной ночью, когда мучился страшной бессонницей и долго бродил по лесу, пытаюсь вернуть себе утраченный сон. Но встретил ее, упавшую звезду. Я вернул Белль на небо, и теперь мы каждую ночь разговариваем.

– Как это вернул? По лестнице?

– Нет, там все по-другому... Ты не заешь.

– Ну да, куда там мне, – обижается панк. – А как же твоя Офелия? Давно я не видел ее костей между книг.

– Ах, несчастная Офелия! Она ушла, как только нечаянно узнала, что ты называешь ее мертвым скелетом, – с горечью говорит Черничка, прижимая лапу к сердцу, словно туда пришелся удар.

– Значит, сама она об этом не догадывалась? Кого еще можно было выловить в реке? Фу, как вспомню эту мертвечину в доме. Одни кости и глаза полные пустоты.

– Доггер, это же Офелия! Бедная девочка утонула! И волею реки попала ко мне! Тебе явно не достает чувства такта. Какая пустота? Ее глаза были полны скорби, – взволновано пытается объяснить романтик.

Разгорается спор двух непонимающих друг друга сторон. Оппоненты начинают сердиться, даже сдержанный Черничка хмурит брови и взволнованно размахивает лапами. Доггер не собирается сдаваться и упрямо пытается сразить романтика фактами:

– Слушай, курю я – а галлюцинации у тебя! Как это? Офелия не утонула, она утопилась. Разница большая. Она была больна! С ума сошла! Спятила!

– Это ложь! Гнусная клевета! Несчастный случай!

– Принц датский, иди-ка ты усни и посмотри сны.

– «Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?»⁵

---

⁵ Цитата из пьесы Шекспира «Гамлет»

– Вот пади и узнай! А мне дай спокойно насладиться удовольствием, приходящим с шелестом книжных страниц.

Только Дог успел подумать, что спор окончен и можно наконец продолжить свой аристократичный интеллигентный отдых, как в дверях появился его брат Глэйз. Черный пес с узкой мордой, худощавым телосложением, висячими ушами и длинным хвостом. Настолько черный, что на солнце становится похожим на гуталин или еще какое-нибудь вещество, будь то смола или краска. В отличие от брата, шерсть его всегда прилизана и, как контур, еще более отчетливо подчеркивает естественную худобу. Глэйз страшно устал, у него невыспавшиеся колючие глаза, пренебрежительная гримаса, а в лапах догоревшая свеча на огромном томе медицинского справочника. Судя по всему, он давно не спал. Должно быть, с того самого момента, когда решил стать врачом психиатром. Реальная жизнь едва удовлетворяла его пытливым ум, пес нашел утешение в огромных энциклопедиях и трактатах, растворившись в учении. Никто и ничто не могло удовлетворить или обрадовать его, кроме огромных медицинских книг и копания в чужих головах. Внутри он раздражен, а внешне презрителен. Начинаящий медик сдавленным голосом говорит, не обращая ни к своему единственному другу Черничке, ни к надоевшему брату: «Моя свеча сгорела».

Доггер едко замечает, стремясь хотя бы колкостью раскра-

свить свой пропавший вечер:

– Что, сгорел на работе? Или, вернее, на учебе? Вечный теоретик! Когда уже практик?

Кто-то даст мне свечу или придется разводиться дома костер?! – раздраженно спрашивает Глэйз. Из глаз его стреляют искорки гнева.

– Нет, костра нам больше не нужно. «Я до сих пор не могу оттереть копоть со стен после твоего ночного чтения», – опасливо замечает Черничка, которому постоянно достается работа домохозяйки.

– Знаешь, сколько стоит одна свеча? – вступает в разговор Дог. – А зарабатываю я не так уж много, чтобы снабжать весь дом всякой всячиной.

– Меньше трать на свои сигареты и ядовитый ром. Вот увидишь, денег станет гораздо больше. Вырастут в геометрической прогрессии! – злостно отвечает Глэйз, зная слабости брата.

– И как я тогда должен работать? Это мое вдохновение, между прочим. От тебя-то поддержки не дождешься. А у меня каждый день новый образ, где брать силы? Я каждым нервом работаю, себя на кусочки рву, чтобы зритель угрюмый подошел, взял кусочек меня и проглотил! Если я буду работать на сцене без пыла, азарта, без жгучего неистовства – то тогда зачем мне вообще петь? Для чего? Нет, для кого?! Я

страдаю на сцене от удушья, отдавая весь воздух зрителю. Я насыщаюсь творчеством. И реальность не может меня уничтожить, покуда я играю. Дикий азарт бьёт меня по голове, я горю сгорая, ради оваций и криков браво, воплей и гиканий. Я художник, актер, лицедей... король! Доколе?! Навсегда!

– Все о себе. И король, и лицедей... Только мы потом страдаем, откачивая тебя после твоего «вдохновения», не зная, что делать, – измученным бессонными ночами и бра- том паяцем сцены отвечает медик теоретик.

– Так я тебя учу. Спасибо должен говорить. Тебе по профилю. Все для братца. Или ты у нас только диагнозами об- зываешься? Как ты меня там вчера обрисовал?

– Истероид... – с улыбкой блаженства говорит Глэйз, вскочив на свой конек. – И это не диагноз.

– А я, я кто? – живо интересуется Черничка, пытаюсь хоть в этот раз удовлетворить любопытство.

– Че мы тебе, ходячие иллюстрации из твоих книжек?

– Мне интересно узнать свою душевную организацию, – вступается кролик.

– Узнавай-узнавай, подальше от меня только, – недоволь- но замечает Доггер, стремясь прочитать хоть строчку из от- крытого романа.

Черничка берет Глэйза за его дружественную лапу и со вздохом заканчивает спор на грани ссоры:

– Пойдем. Расскажешь мне про меня еще, а я поищу у себя свечу. Кажется, у меня что-то оставалось. Если не найдем, то сделаем из огарков. Это интересный процесс. Я один раз сделал, а потом сам раскрасил.

Доггер уже начал читать, но он не может удержаться от очередной остроты:

– Как? В цветочек?

– Строчками из своих стихов! – доносится из коридора.

Глава 4. Происшествие в фургончике отшельника

Даже в глубине густых лесов есть жизнь. Возможно, она там развивается даже интереснее, активнее и полнее чем в городах. Посреди одной такой непроходимой, совершенно дикой чащи стоит деревянный фургончик с разбитыми колесами, вросшими во мшистую землю. Из окошек тускло горит свет от парочки восковых свечей и несчастных светлячков, посаженных в банку. Фургон наполнен старинными пожелтевшими и рассыпающимися от времени книгами, огромными кожаными фолиантами, чертежами на пергаменте и папирусах. Эти чертежи, выполненные от руки углем, представляют собой ряд формул, анатомических исследова-

ний, занесенных в таблицы и схемы. По одному такому эскизу создается летательный аппарат из сухих веток и тростника, подвешенный к потолку. К дощатым стенам жилища намертво прибиты рукописные таблички с цитатами на латыни: «*Contra spem spero*»⁶, *Doctrina multiplex, veritas una*⁷, «*Cogito ergo sum*»⁸. Почти сливаясь со своим домом на колесах, у огромного стола, заваленного пробирками, странными жидкостями и минералами, стоит ворон Орландо. Но это не обычная птица. Его тело отликает бронзой и состоит из мелких сообщающихся шестеренок, подобно старинному часовому механизму. У ворона большие круглые, но как будто неживые глаза, обрамленные толстыми линзами. Тело продолжается не лапами, а колесом. На голове цилиндр со встроенными в него часами, которые существенно отстают на несколько часов. Да и вся механическая птица, как минимум, выглядит странно, напоминая гостя из прошлых столетий. Этот ворон обладает выдающимся умом и, по праву, может считаться гением. А все гении, как известно, не в себе. Окруженный клубами пара из нагревающихся пробирок, ученый напряженно ведет записи своих исследований. Вдруг, сзади него раздается треск выбитого стекла. Из колбы медленно вытекает синяя сверкающая жидкость, которая начинает превращаться из аморфной массы в различных су-

---

⁶ Без надежды надеюсь (лат.)

⁷ Учений много, истина одна (лат.)

⁸ Я мыслю, следовательно, я существую (лат.)

ществ: минуту назад она казалась рыбой, сейчас же в силуэтах угадывается женская фигура, а еще секунда, и субстанция становится рыжеватой лошадкой. Гостья напугана. Ее огненная грива каскадом ложится на плечи, челка лезет в зеленые глаза, полные нездешней силы. Она беспомощно щурится на блеклый свет фургона, который безжалостно раздражает зрение. Со стоном, вырывающимся как из первобытных таинственных недр, с ее губ слетает вопрос:

– Когда я на этот раз?

Орландо, напрочь забыв о правилах осторожности, сбрасывает сверкающие пробирки и подъезжает на своем колесе к пони. Увы, его ожидания не оправдались. Он, как и всякий ученый, преисполнен амбиций и стремлений к невозможному. Ворон часто бывает раздражен, его нервы, вопреки логике, отнюдь не железные. Но в эту минуту он злится больше обычного и позволяет себе выругаться:

– Черт возьми, ждал дьявола, а вызвал женщину!

– Невелика разница, мой пернатый ami.⁹ Узнав меня, еще вспомнишь об этом, – с лукавой улыбкой отвечает лошадка, мало-мальски начиная привыкать к обстановке.

Гостья с усердием пытается встать, но ее ноги еще слабы и неподатливы. Ученый вежливо протягивает ей свое крыло. Лошадка хищнически резко хватается за опору, но со вскриком все равно падает на пол:

– Холодный! Весь из железа!

---

⁹ Друг (франц.)

Ворон без тени эмоций пожимает плечами, не то пытаюсь стряхнуть, осевшую пыль, не то выражая крайнее безразличие к ситуации. «Дремучие века... Холодность души и тела – верный способ выжить, и глупец тот, кому этого не понять.» – замечает он про себя, крайне довольный созревшей мыслью. Не без усилия лошадка наконец-то встает, скептически оглядывается вокруг себя, испытывая внутри себя крайнее неудовольствие.

– Судя по всему, я в 19 веке? Или постою... в 17?

Орландо до сих пор не может смириться с тем, что вместо посланника нечистой силы, которого так хотелось взять под микроскоп, и чью клеточку хотелось подробно описать и изучить, ему явилась огненно-рыжая и крайне невежественная девица. Он недовольно бурчит ей в ответ:

– Мимо. Хотя... сам не знаю точно, где я... Вернее, когда, в каком именно отрезке времени. Я бы мог стать неплохим календарем или пособием по истории, ведь в моей памяти закристаллизованы воспоминания о минувших годах и столетиях. Спроси о чем угодно, и я с точностью хронометра выдам тебе истории про чуму, славную инквизицию и орден иезуитов. А сейчас, предположительно, 20 век. А может, 21 или 22.

В этом месте слишком много заумных книг, под ногами шуршат наваленные в кучу листы, да и место малообитаемое, тихое, гробовое... Лошадка рыскает глазами по полкам и стенам, пытаясь зацепиться взглядом хоть за какую-нибудь

приятную для себя мелочь, но вокруг одни лишь книги-книги-книги... Она не выдерживает и с надеждой на поддержку жалуется своему невольному соседу:

– Какое убожество. Пони... В воняющем плесенью фургоне с чокнутым ученым. Всегда только об этом и мечтала. Даже не знаю, где лучше: на костре или здесь.

– Не в то время. Не в тот час... Вслед за многоуважаемым доктором повторяю: «Так кто ж ты, наконец?»¹⁰

– Честно? Пока никто. Но скоро кем-то стану. А ты кем доводишься? Сумасшедший гений?

– Гений – да, но разум у меня цел, – отвечает ученый отчеканенными, как из железа выкованными, фразами. – В этом празднике жизни я участвую уже давно. Но прежде всего, я врачеватель чумы. Не находишь ли ты, что болезни схожи с колдуньями? Я работал как с одной напастью, так и с другой. Даже лечатся они одним методом – огнем. Долго изучал чуму. И пошел в лекари не ради того, чтобы исцелять, а чтобы насыщать свой ум. Понял, что вакцины, как таковой, нет и бросил вызов болезни, а заодно смерти, перехитрив в итоге обеих. Я устроил себя, как часовой механизм, перестроив свое тело. Почти все мои органы подменены шестеренками. Увы, я был молод и не учел множество факторов. Например, теперь я не могу летать из-за тяжести своей конструкции. Зато могу скользить по поверхности на встроенном в меня самого колесе. Символично, что не могу воспарить под небом,

---

¹⁰ Гете «Фауст»

словно все земное и суета держат меня в своих неподъемных оковах. Как же я очутился здесь? Попросту сбежал из своего прогнившего и смердящего хворью века на машине времени. Собрать машину – не трудно, самая беда – пережить время и успеть сделать оборот до того, как оно, время, это заметит. Время и Смерть – вот два моих заклятых врага. Почему не выхожу в город? Не вижу в этом решении рациональности. Может, в городе по-прежнему чума или что-то еще в разы хуже? Ведь возможно, там одно лишь пепелище цивилизаций? Зачем мне рисковать и рушить свои надежды о победе разума, когда я могу сидеть здесь, счастливо работать и не утруждать себя печальями? Подумай: у себя в голове я могу представлять все что угодно. Реальность не победит меня, покуда я нахожусь вне ее! Впрочем, кому все это рассказываю?.. Видимо, одиночество накладывает свой отпечаток. Появляется странное желание выговориться.

Пока Орландо расточался в абстрактных рассуждениях, пони увлеченно и нагло перебирала книги на полках, чертежи и схемы. Однако это не мешало ей слушать, хотя бы местами, рассказ ученого.

– Раз ты такой умный, чего тут сидеть? – не отвлекаясь от листов на столе говорит лошадка – Все равно не понимаю. Выстроил себе пузырь и думает, что спрятался. Пузыри лопаются. Да и в чем тогда смысл этих твоих исследований, если о них никто не знает? Ты изобрел машину време-

ни! Сходил бы в город и рассказал об этом. Деньги, слава, признание, ну и завистники, конечно – обеспечены. Сколько же здесь записок, чертежей, схем, исследований... Чего только нет...

Орландо спешно отгоняет гостью от бумаг. Эти записки очень важны для него. Они – это, своего рода, те же шестеренки, поддерживающие жизнь ворона.

– Смотрите-ка, воспитательница нашлась! Пошла прочь, раз понимания нет! Как говорит дремучий народ, но здесь он прав, и я повторю его – свиным рылом да в калашный ряд...

Пони обескураженно умолкла. В воздухе царит напряжение гнетущего молчания. Между ней и ученым появился нерв недопонимания, озлобленности, отчужденности друг от друга. Не зная, что делать, лошадка кокетливо оправляет гриву. Ей по-прежнему кажется, что вместо копыт у нее аккуратная и нежная ручонка, которая гребешком пройдет по волнистым роскошным волосам пламенно-рыжего цвета. Она осторожно подбирает слова, неуверенно говорит:

– Что же... Ты здесь остынь, а я пойду в город. И уже по своему возвращению смогу полностью представить тебе себя, а то непривычно ходить без имени и самоопределения.

– Ступай. Не вернешься – не многое потеряю.

Глава 5. Пробуждение

Приятно вернуться к жизни после долгого отсутствия

в ней. Затянувшийся сон может стать причиной страшной усталости, а не источником долгожданного отдыха. Все еще безымянная пони из деревянного фургончика чувствовала себя подснежником. Она словно пребывала под холодной землей, в мертвенно-молчаливом склепе без солнца, а сейчас, по весне, как лютики, одуванчики и первоцветы вышла на свет. Сначала лучи сильно режут глаза, но уже очень скоро они начинают греть.

Глава 6. Город Хилтопгер

Первым делом лошадка спешит выйти из леса. Ей никогда не нравились малообитаемые места, в их бездне одиночества и мрака она теряла саму себя. Пони не любит одиночество, оно заставляет ее чувствовать себя совершенно опустошенной. Ей нужны звуки, яркие пятна и образы, бурлящее кипение. Место, куда она попадает – город Хилтопгер. Это небольшое, но уютное поселение, выросшее на почве плантаций во всех смыслах. Первые фермеры, выращивающие чайные сорта на холмах, строили на выступях хижины, чтобы укоротить маршрут от работы до дома и тем самым сэкономить время. С годами число домишек увеличивалось, а потом выросло до размеров города, где было место и магазинам, и многоэтажным домам, еще паркам, школе, конюшням, кафешкам и даже пабу «Black cat». Город выстроил себе небольшой порт, чтобы кораблям было сподручнее забирать и отвозить на продажу мешки и ящики чайных листьев.

Мимо набережной уверенным шагом идет лошадка, вы-

ползшая из деревянного фургона, подобно ящерице из темного подземелья на свет. Морской ветер тянет за собой соленые брызги, оставляющие на губах след из белых кристаллов. Так как это морской порт, на набережной один на другом стоят деревянные, крепко сколоченные ящики для перевозки груза. На одном из таких сидит Джейн. Ее голубые глаза сливаются с цветом поднимающейся морской волны. Судя по ее улыбке, здесь она счастлива. Черные лапы сами по себе выводят шпагой по песку кривые линии. Джейн вспоминает недолгий период своей юности, когда она была одним из тех моряков, что грузят на борт чай. Первая девчонка-пират на борту! Именно из-за своего пристрастия к битвам на воде и жажды захватить чужой корабль, кошка и сидит на берегу, отстраненная от морского дела. Хилтопгер – мирный город, и он не станет жертвовать своей репутацией и покрывать свой имидж пятнами крови, пожертвовав ради этого отличным моряком. Черная кошка с удовольствием поглаживает свое рваное правое ухо и наслаждается тихим счастьем, настаивающим ее в порту. Но как только в каком-то из уголков огромного мира возникает хотя бы маленькая толика удовлетворения, недремлющее зло возникает тут как тут. Лошадка из деревянного фургона аккуратно приближается к Джейн с вполне доброжелательной улыбкой и, как кажется, с самыми чистыми намерениями. Но лишь кажется... Черная кошка скептически оглядывает незнакомку. Наученная горьким опытом уличной жизни, она научилась не доверять каждому

прохожему. Рыжегривая заискивающе пытается найти, для начала только взглядом, карманы на платье морской разбойницы.

– У меня нет денег, даже не пытайся их найти, – резко кидает Джейн.

Но зеленоглазая мошенница все-таки смогла пожить-ся чужими деньгами. Конечно, уже из кошелька другого несчастного зеваки. Пони, преисполненная гордости за свою ловкость, с тоской смотрит на собственное отражение в парковом фонтанчике. Сейчас у нее вид среднестатистического прохожего. Разве что только яркий рыжий цвет гривы позволяет как-то отличаться от толпы. «Пора наконец-то узнать, кто же я... И даже моя новая шкура не может заставить меня стать блеклым пятном.» Пони намерена брать штурмом магазин.

Глава 7. Дружелюбный пегас

Лошадка с рыжей гривой наделена отменным вкусом. Теперь на ее глазах блестящие розоватые тени, тушь, удлиняющая ресницы и манящая заглянуть в дьявольски красивые глаза зеленого цвета. Челка гривы уложена дугой вверх, открывая, а не скрывая вызывающий взгляд. Губы накрашены яркой красной, рубиновой, помадой, образуя рисунок в форме сердечка. На теле пурпурная юбка с черными полосками. Привычки тянутся с прошлого, глубоко-глубоко прорастая своими корнями. Особенность лошадки – яркая внешность и страсть к платьям, корсетам, помадам и сережкам. Пони сто-

ит на кассе магазина, сжимая в копытах фиолетовый браслетик. Такие дамы как она существуют уже не первое столетие. Они собирались на балы и шабаши, часами смотрясь на свое отражение в серебряном зеркале, и любуясь тем, как в их глазах преумножается дикость. Они летали на метлах или наводили на деревни порчу, вели дружбу с пауками, змеями, жабами отплясывали на Лысой горе. Пони с ухмылкой вспоминает эти славные времена, полные отчаяния и свободы. Но кто-то сзади отвлекает ее от мыслей. Это юный голубой пегас с бордовой короткой стрижкой и хвостом, заплетенным в косичку. У нее легкое телосложение, широко раскрытые и любознательные карие глаза с прямыми ресницами. Она держит целую охапку разноцветных браслетиков. Немного робея перед незнакомкой, сконфуженно улыбаясь, но жизнерадостным голосом, пегас начинает разговор:

– Привет! Ты, похоже, новенькая... Я почти весь город знаю, а тебя никогда не видела. М-м-м, судя по нашим браслетам у нас с тобой вкусы похожи.

Рыжегривая перестает радоваться своему визиту в этот магазин и с неохотой оглядывается назад. Она буквально заставляет себя ответить. Хоть и в голове у нее вертится лишь одно слово «фи», пони произносит другое:

– Да, я здесь недавно.

– Отлично, могу показать город! Я на часок свободна, а потом у меня дела в пекарне.

– Я посмотрела город, – пытается отвязаться лошадка.

– Может, посидим в пекарне вечером? Новые друзья в новом городе всегда кстати. Точно, не представилась. Я – Дашка, – не теряет надежду пегас.

– Ладно, посидим в пекарне, если тебя это утешит, Дарья...

– Нет-нет, только не «Дарья»! Терпеть не могу, когда меня так называют. Выворачивает от этого обращения. К чему? Просто Дашка.

– Без проблем. Дашка так Дашка, – отмахивается огненно-рыжая.

– Так сегодня в шесть часов в пекарне?

Пони в пурпурной юбке с ненавистью смотрит на медленно выходящую из аппарата чековую ленту. Резким движением она берет беленький чек и стремится поскорее отойти к дверям. К большому сожалению, в городах водятся назойливые малолетние, жаждущие общения. Но пони и с такими старается держаться достойно:

– Да-да, конечно...

– Буду ждать в пекарне «White cat»! Это на улице Улун, быстро найдешь! Кстати, как мне тебя называть? – кричит ей вслед дружелюбная Дашка.

Тут зеленоглазая на минуту задумалась. Действительно, пора бы определиться со своей новой ролью в этом городке. Когда-то очень давно ее история началась со старонемецкого имени, означающее «покой». Возможно, ей наконец-то

удастся замкнуть круг. Быть бессмертным надоедает быстро, уже через два столетия. И со старым именем лошадка пройдет новые испытания. После небольшой паузы она с коварной улыбкой отвечает:

– Мое имя Фрида...

Глава 8. Черное и белое

Первым заведением в городе, где можно поесть вне дома стал паб «Black cat». Конечно, еда – это далеко не цель заведения, а, скорее, приятное дополнение. Но тем не менее в оппозицию ему появляется кафе-пекарня «White cat». Можно сослаться на то, что его хозяйкой является белая кошка с золотистым кольцом на шее и фиолетовыми глазами. Поговаривают, иностранка. Отсюда и название. Но даже в интерьерах и заведенных правилах угадывается противостояние и вражда. Если в первое заведение приезжают размалеванным, взлохмаченными, в кожаных куртках и непременно на ревуших байках, то во второе принято ходить опрятными, милыми и, как правило, пешком, под руку с другом.

Внутри «White cat» очень просторно, чисто и светло. Это настоящий оазис с безупречно белыми стенами, столами, деревянными стульчиками с вырезанным орнаментом на спинке. Белая кошечка сама выпекает булочки и сладости, которыми лакомятся горожане в течение дня. Также в кафе стоит приемник, чьи антенны ловят исключительно французскую эстраду, а на больших подоконниках круглогодично стоят цветы. К весне пекарня пополняется букетами. Посетители

приносят их сами в знак своей признательности. На окнах, на кассе, у входа – везде развешаны колокольчики. Владелица обладает страшным азартом в деле их коллекционирования. Ей, непременно, хочется слышать успокаивающий ее слух звон. У хозяйки страшная непереносимость тишины и бездействия. Говорят, она была такой не всегда, только после трагического происшествия в жизни, но вряд ли кто-то когда-то узнает правду. Одним словом, пекарня – крайне доброжелательное место, где за чашкой кофе или чая ведутся дружественные беседы.

Дашка пытается быть сосредоточенной и упорно борется с пятном черного кофе на мраморно-белом столике, но то и дело тревожно поглядывает в окно. Она ждет свою новую подругу. От звона колокольчика пегас вздрагивает и напряженно смотрит на посетителя. От долгого ожидания она приходит в отчаяние и ярость. Ей уже хочется сорвать трезвонящий колокольчик и убрать его как можно дальше, чтобы тот не дразнил ее терпение. Но наступает назначенный час и в двери входит Фрида. Нет, она скорее появляется. Эффектно и с неким вызовом обществу, стреляя в каждого, кто смотрит на нее. Выстрел взгляда убивает наповал. Дашка радостно машет подруге тем самым, правым, копытом, увенчанным радугой браслетов. Огненно-рыжая тоже одела свой, но на левую ногу. Пегас восторженно бежит встречать краснотую гостью, совершенно искренне и по-детски наивно приветствует ее:

– Привет, Фрида! Боялась, что ты не придешь... Так рада видеть тебя!

Она не может сдержать эмоций и кидается с объятиями:

– От тебя духами пахнет!

Фрида удивленно и сдавленным от объятий, ощущаемых ею как тиски, роняет:

– Привет...

Дашка уже начинает что-то бойко рассказывать, сажает пони за стол, приносит поднос и разливает по чашкам чай, успевая при этом болтать:

– Зеленый с жасмином. Надеюсь, ты такой любишь. Мы сами выращиваем. Ну, не конкретно пекарня, или я, а наш город.

– Да-да, само собой, люблю. Не знала, что ты тут за официантку, – растерянно отвечает огненно-рыжая, потеряно оглядываясь вокруг.

– Ха-ха, ну нет! – звонко смеется Дашка. У нее сегодня прекрасное настроение, – я не официантка. Просто прихожу сюда помогать. Могу столы почистить, могу пол помыть, кексики украсить и за кассой постоять. Как придется... Ладно, расскажи о себе. Откуда ты? Надолго ли здесь?

– Давай-ка о тебе, Дашутка.

– Так не интересно! Ладно, ты не из болтливых, я это заметила еще в магазине. Ну ничего, я со всеми нахожу общий язык. Если тебе так комфортнее, то начну я, так уж и быть. Что могу сказать? Я из Мценска...

– А, провинциалка, так и подумала, – нагло перебивает Фрида.

– Ну да. Во Мценске я росла, там же радостно окончила школу и уехала сюда, в город, в центр жизни. С детства привыкла к дорогам. Каждую неделю ездила к бабушке в соседний город – Орел, помогала ей в делах по дому. Но не одна, нет. С другом. Он сейчас инспектор полиции, приехал в город со мной. Так смешно, мы с ним со школы дружим, хоть он и на три класса старше был. Я его защищала, а то у нас все шибко задиристые были, теперь вот вырос и сам защитит кого угодно. Так что у меня протекция, как за каменной стеной. Сейчас я зарабатываю тем, что помогаю тому, кому это необходимо за условную плату. И в пекарне вот на подхвате. Социальный работник, если угодно, но я это определение не люблю. Сухое оно, без души... Я совсем рядышком живу, на этой же улице. Владелица этой пекарни – моя соседка. У нее еще прямо в квартире хиппи живет, такой лохматый, но добрый. Всем браслеты дарит. Так ты где живешь? Далеко от пекарни?

– В лесу, – спокойно заявляет пони.

– Как так? Прямо в лесу? А зачем? – не понимает пегас.

– Курсы по саморазвитию такие, – бессовестно врет Фрида. – Прохожу задание под названием «отшельник». Нужно продержаться в лесу как минимум полгода и обрести свое внутреннее «я», постичь дзен. Это восточная практика та-

кая. Очень странно, что ты о ней ничего не знаешь. Довольно известная вещь.

– А как в лесу-то? Холодно же... Зима наступит...

– В лесу полно разной живности. У медведя одолжу его шкуру! Были бы у него деньги, заплатил бы ими, а так...

– Станный у тебя юмор... – смущается и ежится, как от холода, Дашка. Несмотря на то, что за окном цвела весна, ей вдруг стало как-то зябко и неудобно.

– Это не юмор, Дашунь. Это жизнь. Если встает вопрос: моя жизнь или чужая, я, не задумываясь выберу чужую. Думаешь, крови боюсь? Я ее время от времени пью.

В этот момент Даша замечает, как блеснули белоснежные клыки в пасти собеседницы. Но, возможно, ей просто показалось... У нее всегда хорошо работает фантазия.

– У тебя была тяжелая жизнь, да? – снова спрашивает пегас, пытаясь найти объяснение странным словам новой знакомой.

– Хах, как тебе сказать... Со временем учишься не сетовать на судьбу и идти на встречу концу с улыбкой. Прокладывать себе дорожку из кровавого следа. Когда-то я серьезно страдала и отравляла горечью слез свою же жизнь, а потом... Научилась брать игральные кости такими, какие они есть. Конечно, легко так говорить, когда можешь успокоить себя мыслью, что эту партию всегда можно будет переиграть. И все-таки, главное – это театральность, игра и холодный расчет в действиях. Меня не выбрали королевой на балу, но ведь

я властвую над своей жизнью. И порой... над жизнями других. «Разделяй и властвуй!». Как это будет на французском? Не разделяю, но с большим успехом управляю.

Слова Фриды разрозненными кусочками пазла оседают в голове Дашки. Несчастный пегас завален словами, которые выросли вокруг нее невидимым лабиринтом, из которого не получается выбраться. «Какие кости? Бал?.. Она не похожа на нездоровую. Скорее наоборот, царственно прекрасна и величественна. Конечно, Фрида знает гораздо больше, чем я. Но с каких пор я перестала понимать речь других?»

– Так, что насчет того, чтобы перебраться поближе к городу? Я могу пригласить тебя к себе на квартиру, – сконфуженно переводит тему разговора Даша.

Слух лошадки то и дело раздражает веселый, радостный перезвон колокольчиков. С давних пор ей не нравятся колокола. Слишком много звонкой радости в их мелодии. Они словно дразнят ее, а затем пытаются прогнать прочь.

– Что? На квартиру? – ухмыляется зеленоглазая лошадка. – Ты приглашаешь к себе первую встречную? Ты же ничего обо мне не знаешь! Я могу обокрасть тебя, убить, натравить шайку головорезов! Не боишься?

Собеседница лишь пожимает плечами:

– А чего бояться? Я знаю, что ты мой друг и мне этого достаточно.

– Святая наивность! Как ты еще осталось живой и тебя не

убили в какой-нибудь подворотне?!

– Мир не такой страшный, как ты думаешь. Что отдаешь судьбе, то от нее и получаешь. Я делаю добро, а оно возвращается мне в двойном размере.

– Посмотрим сколько еще твое добро будет летать туда-сюда бумерангом. Не все такие хорошие и милые коими кажутся. Я бы советовала тебе быть осторожнее.

– Спасибо за заботу. Тебе явно нужно пересматривать свои взгляды на жизнь.

Фрида встает из-за стола, утомившись сидеть на стуле за безукоризненно белым столом К тому же, распелся колокольчик на входной двери.

– Неплохо бы пройтись.

Дашка с радостью соглашается. В ее голове успела свариться такая каша из странных слов собеседницы, что ей уже хочется на воздух. К тому же, в пекарне стало подозрительно душно и жарко. Наверное, виновато горячее апрельское солнце щедрое на яркие лучи.

Глава 9. Узелок завязывается

В карих глазах Дашки бликами отражается свет фонарей. Город медленно погружается в вечерние сумерки. Витрины начинают заманчиво светиться, деревья укрываются тенью заходящего солнца – наступает время неспешных прогулок после рабочего дня. Фрида свысока смотрит на прохожих, но она начинает проникаться снисходительной любовью к этому маленькому портовому городку. Приятное и пугающее

чувство трепетной привязанности к наивному пегасу с детским, доверчивым взглядом пугает ее. От навалившихся комом мыслей хочется поскорее избавиться. Помогает в этом, зацепившая внимание афишка у входа в «Black cat», на которой довольный Доггер зазывает на свой концерт прохожих.

– А это что за чудик такой? – интересуется пони.

– Доггер, – отвечает Дашка. – Необычный персонаж. Я больше общаюсь с его прихвостнем, с Черничкой, Дог слишком... эксцентричен для меня.

– Дай мне досье на этого пса с гребнем на голове. Где живет, чем зарабатывает, каким воздухом дышит, какие у него братья, сестры – я хочу знать все!

– Давай так, во-первых, я не база данных... Насколько знаю, он живет на окраине, близко к твоему любимому лесу, на улице Зеленого чая. У него свой домик с зеленой крышей. Работает певцом вот в этом пабе, поет очень громко, небрежно, у него на концерте просто какой-то Содом, дым коромыслом. На сцене прыгает и гримасничает подобно шу-ту. Что еще? Есть брат, который учится не то на врача, не то на психолога, но как по мне, так просто бездельничает.

Одним коротким предложением Фрида все решает:

– Мы идем туда.

– Если честно, мне бы не хотелось... местечко не совсем для меня. И ты вряд ли оценишь. Лучше пройтись по парку, посмотреть фонтан... Ну, куда же ты? – уговаривает пегас, но огненно-рыжую уже не остановить.

Подруги спускаются в подвал, для того чтобы с головой нырнуть в недра и глубины рок-н-ролла.

Глава 10. В бреду Black cat»

Приглушенный желтый свет рассеивается дешевыми прожекторами. Голос певца тонет и растворяется в толпе, в которой каждый растаскивает песню себе в карман по звуку. Зрители неистовствуют, танцуют пого, яростно подскакивая вверх и тяжеловесно приземляясь. Как будто стремясь проломить пол, а за ним и почву, погружившись под звуки рок-н-ролла во мрак подземелья. Кто-то выкрикивает лозунги, кто-то невпопад подпевает артисту, при этом, стараясь перекричать всех, в том числе, главного исполнителя. У спустившийся в паб Даши начинает болеть и кружиться голова, она чуть не поскользнулась от рассеянности на пустой жестяной банке выпитого пива. Запах деревянной сцены и стертых струн спорит с вонью табака и алкоголя. Удивительно для пегаса поведение Фриды, которая вдруг стала похожа на ледакол, что острым носом разрубает льдины. В данном случае зеленоглазая лошадка упорно пробиралась сквозь толпу, не толкая никого, но потеснив каждого. Джейн стоит на сцене с Доггером, облачившимся в темно-синий плащ с капюшоном, как у средневековых монахов. Хоть сам он отнюдь не свят. Черная кошка с яростью перебирает струны гитары и сжав зубы смотрит на пса с ирокезом. Она словно еле сдерживается, чтобы не дать тому гитарой по голове, наконец освободив сцену для себя. Но, возможно, гитаристка просто пой-

мала нужный аккорд и ее захлестнула волна панк-рока, пробудившая в ней скрытую энергию и силу. На черную кошку пристально смотрит невозмутимо курящий пес, с золотой цепочкой из крупных звеньев на шее. Это полукровка, в чьих жилах смешана кровь дикого волка и породистой овчарки. Он, пожалуй, единственный, кто не поддается всеобщей волне безумного веселья, сохраняя спокойствие и непоколебимое чувство собственного достоинства.

Фрида достигает своей заветной цели и стоит к сцене так близко, что ее можно потрогать, но еще интереснее схватить за лапу Дога, сорвав концерт. Однако она этого не делает. Пытаясь подражать толпе, пони без азарта прыгает на месте, неотрывно смотрит на панка, пытаясь поймать его взгляд. Но красный пес с ирокезом не замечает ни ее, никого бы то ни было в толпе. Сейчас Доггер весь принадлежит образу исполняемой песни. Вот он поет о старинном доме и призраках в нем. Играет роль бесплотной заблудший души, обнажая клыки и жутко хрипя. Песня вместе с концертом подходят к концу. Осиплым от рычания голосом рокер пытается крикнуть:

–Всем хой! Панки грязи не боятся!

Голос срывается, артист не успевает окончить фразу. Зритель думает, что это тоже часть игры и восторженно аплодирует. Джейн облегченно садится на сцену, начиная настраивать гитару, мило беседуя с ней о сыгранном концерте. Тол-

па возвращается в разум, рассаживаясь за столы и на перебой выкрикивая заказы. Особо преданные фанаты прощаются с исполнителем фразами: «Мама-анархия», «Победа наша!». Но эти слова тонут, оседают с пылью на зеленое стекло бутылок у сцены. Крики смешиваются друг с другом, становясь общим гулом. Одна Фрида прелестно хлопает длинными ресницами и ждет, когда пес уйдет со сцены, подобно богу, спускающемуся с Олимпа.

– Привет! Меня зовут Фрида, – кокетливо начинает лошадка. – Отлично поешь, мне понравилось!

–Ага... – небрежно бросает пес, пытаясь пройти мимо и скорее добраться до спасительного глотка воды или чего покрепче, чтобы наконец-то промочить горло.

– Может, выпьем что-нибудь? Хотелось обсудить твоё творчество, – настаивает Фрида, игнорируя косые взгляды, идущей рядом Джейн. Кошка не любит настырных фанатов, явно незнающих о личном пространстве. И никогда не понимала благодушия Доггера к таким наглецам.

–Лады, – соглашается панк, услышав ключевое для себя слово «выпьем». Сейчас не важно с кем и как. Главное, скорее восстановить пересохшее горло.

Времена меняются, а за круглым столом по-прежнему собираются отчаянные рыцари в лице: Доггера, Фриды, скучающей Дашки, Джейн и Грея, того самого невозмутимого пса с сигаретой. Это еще один герой и явный рок-идол паба. Ему все досталось очень легко. Стоило только запеть, как зрите-

ли оценили силу голоса и талант. Тексты о свободе, черных шлемах, байках, призывы борьбы и жажда скорости – его козыри. Джейн уверена, что ошеломляющий успех Грея обязан ее музыке. Без таланта кошки высекать из струн не только мелодию, но и азарт, энергию, полукровка не носил бы свою цепь. Но кого это волнует, кроме нее? Зритель видит только того, кто стоит у микрофона. Говорят, что до этого у Грея была не самая легкая судьба и тернистый путь к славе. Кто-то даже говорит, что он беглый каторжник, от того и цепь на нем. Но все это лишь слухи, делающие ему большую честь. О себе пес говорит мало. Дашка с болезненным видом и мутным взглядом оглядывается вокруг себя, но не видит от бессилия ничего. Лица посетителей за соседними столами кажутся ей враждебными и злыми. «Скорее бы забыть этот ужас!» В ее глазах сцена, зеленое стекло бутылок и жестяные банки, окурки и гитары превращаются в мутное темно-зеленое пятно, от которого делается тошно. Она с тоской смотрит на темный дубовый стол, по которому проходит небольшая трещинка, в которую забился пепел сигареты. «Хоть бери тряпку и убирайся! Да, точно. Лучше убраться отсюда. Но как?» – думает пегас. К столу подходит рыжая официантка Жанна, хорошо обученная вежливо принимать пожелания клиентов. Вернее, она сама выработала в себе умение быть тактичной даже тогда, когда день не заладился. Ей повезло иметь от природы подвижный, живой ум и гибкий хребет, выдерживающий гнет обстоятельств. На кошке выгла-

женный и чистый фартучек с цветочным узором. Взгляд спокоен, глаза ярко подведены тушью и в приглушенном свете паба красиво переливаются тени на веках. Официантка должна выглядеть безукоризненно – такое правило Жанны. Пусть вокруг бардак и разруха, пыльная сцена и замусоренные полы, но ее столы никогда не будут засаленными жиром или липкими от пива, а рыжая шерсть не свалится в колтуны. Вытянувшись по струнке, Жаннетт механически произносит шаблонную фразу, думая совсем о другом:

– Вы готовы сделать заказ?

– Рома бутылочку, – еще хрипловатым голосом отвечает Доггер.

Жанна удивленно приподнимает бровь. В ее голове есть своеобразная картотека из предпочтений и частых пожеланий клиентов. Любая система может давать сбой, но только не ее. Жанне выпала участь стать разносчицей подносов, так она будет лучшей в этом деле.

– Но как же кружка холодного пива после концерта? – подсказывает рыжая официантка.

– Да, неси и пиво заодно. Это был хороший концерт, Жанна... Очень хороший, – соглашается панк.

Фрида с неестественной улыбкой, слащаво растягивая слова, озвучивает свой выбор:

– Кровавую Мери, если можно.

Джейн заказывает что-то скромное, но со вкусом:

– Нам с Грэем по рюмке виски.

Дашка в попытке скрасить свой убитый вечер тоже присоединяется к пожеланиям сдавленным от удушливого воздуха голосом:

– Коктейль... молочный... детский.

– Благодарю за заказ, ожидайте, – говорит заученную и надоевшую ей самой фразу Жаннетт.

Впервые за долгое время Доггер начинает осматривать Фриду, вспоминая о ее присутствии:

– Так о чем конкретно ты хотела поговорить? Очень оригинально с твоей стороны явиться под конец концерта, так потом еще и отвлекать актера. Э-э-э, то есть артиста.

Фрида чувствует себя комфортно и совершенно свободно. Эта стихия ей куда ближе тихой и спокойной пекарни, где все блестит от чистоты и порядка. Шум, гам, дым коромыслом, чьи-то жаркие споры об анархии, воодушевленные речи хиппи о рок-революции, рваные струны гитары под столом, грохот барабанов над ухом и рев моторов за битым в драке окном. Множество ярких пятен! Она дерзко отвечает:

– Ни о чем! Мне просто хотелось выпить! Хотя не стану скрывать, у Вас, маэстро, оригинальная манера исполнения. Выглядит эффектно даже для нашего искушенного зрителя.

Фрида льстит. По большому счету она даже не слушала песен. Она вообще не заядлый любитель музыки, предпочитает звуки тлеющего угля, уханье сов, шорох листьев, ночное

хлопанье болот и порывистый вой ветров. На худой конец, можно послушать бубны.

– Так для этого я там и нахожусь – производить эффект. Знаешь, как у Маяковского: «Я сразу смазал карту будней...».

– Для эффекта? Только лишь? А что насчет того, чтобы уйти в песенных образах от самого себя? – допытывается зеленоглазая пони.

Жанна уже ставит на стол заказанные напитки. Все, кроме коктейля Даши. Его тут не готовят. Доггер сразу же начинает суетливо открывать бутылку и быстрее пьет, стремясь избежать ответа на вопрос.

– Всем приятного, – вежливо откланивается Жанна и со вздохом спешит к другому столу.

Фрида настойчиво повторяет вопрос, просверливая взглядом пса:

– Что насчет эффекта?

Доггер уклончиво отвечает:

– И в масках пестроты той многолюдной навек я потерял рассудок свой.

– Что это значит, если говорить конкретнее? Оставь своего внутреннего поэтишку для сцены. Сцена такое любит, она проглотит все, что будет сброшено с нее от маэстро. Толпа любит своих кумиров.

– Хм, к примеру, это может означать, что я хочу пригласить тебя на съемки своего дебютного клипа.

– Как? Клип? Qu'est ce que¹¹? «Клип»?

Джейн, услышав о наболевшей теме, берется ответить:

– Хах, Дог уже всем мозги выел со своим клипом... Камеру, конечно же, искала я.

Доггер деловито перебивает:

– Клип – это такой видеоряд, часто совершенно абсурдный, который каким-то образом иллюстрирует содержание песни.

– Допустим... Что дальше? Кого я должна играть? – интересуется Фрида.

– Для меня местечка не найдется? – с надеждой спрашивает вымотанная Дашка.

Доггер увлеченно начинает рассказывать, напрочь забывая о недопитой бутылке рома:

– Э-не. Фрида, Фрида же, правильно? Ты играешь Смерть. Весь сюжет крутится вокруг некоего субчика, который просто-таки обожает побеждать в шахматных партиях и не видит своей жизни без этой игры. Но вот однажды, сам не заметив каким образом, к нему на огонек заходит Смерть. Он предлагает ей сыграть в любимую игру, ставит на кон единственное, что может заинтересовать противника – жизнь. Они играют партию за партией, но черная гостья, в конце концов одерживает победу. Мораль: выше головы не прыг-

---

¹¹ Что такое? (фр.)

нешь.

Фрида, недолго думая соглашается. Давно в ее жизни не происходило интересных событий. К тому же пони очень любит настольные игры.

– Ладно. Да, хорошо! Я в деле. А теперь давай отпразднуем это чудесное решение глотком рома.

Лошадка тянется за бутылкой, но Доггер достает из-под стола шахматную доску:

– На те реквизит. Могу автографом расписать. Так сказать, на память. На съемки только принеси.

Фрида берет шахматы, предпочитая забирать все, что само плывет ей в руки. Но обиженно замечает:

– Люблю настольные игры. Однако если дама хочет выпить, то ей неприлично отказывать.

Доггер с наглой усмешкой отвечает:

– А кто те сказал, что здесь ведут себя по этикету? Не то место, мадам.

Грей властным голосом отвлекает внимание панк-рокера:

– Когда съемки? Я больше не вынесу разговоров о клипе. Либо мы снимаем пятого, либо Джей сдает камеру назад.

Доггер начинает тревожиться:

– Тихо-тихо. Снимаем пятого. Всё, все слышали? Пятого! Ни днем позже. Распустились... Всё даты откладывают. Но, Грей, у меня еще пьеса лежит не разученная. Давай седьмого?

– Пятого, – отрезает полукровка.

Фрида с кокетливой улыбкой говорит:

–Что насчет автографа на шахматах? Предложение в силе? Мало ли, может, ты знаменитым станешь, так я после твоей смерти на этой вещице состояние заработаю. Боишься смерти?

Доггер принимает доску, ставит подпись и смело отвечает:

–Так я уже гремлю на весь город. Дай мне еще пару дней – я буду уже в Европе. Большому кораблю, как известно... А что мне смерть? Я с ней сейчас за столом сижу.

Фрида, подобно властной императрице из древнего города, забирает доску и поднимая жестом Дашку завершает разговоры:

– Все вопросы решены. Я домой. Дашка, подъем.

– Мы на байке покатались! – уже в дверях бросает Джейн и исчезает вместе с Греем.

– До свидания, было очень приятно провести с Вами вечер, – откланивается пони с рыжей гривой.

Доггер небрежно махнув лапой недовольно замечает:

– Э, не ломайся, как тряпичная кукла. Покеда!

Панк остается один. Сегодня ему не хочется спешить домой, где его ждет не разученная пьеса, ворчливый и сердитый брат. Ведь это место создано для того, чтобы забыться и уйти от всего, что волнует. За одним из столиков затевается нешуточный спор грубоватого, неряшливого анархиста и длинношерстного с венком на голове пацифиста. Де-

ло вот-вот дойдет до драки. Дог с интересом смотрит на чужой конфликт, предвкушая жестокую схватку двух идейно увлеченных посетителей. Звук опрокинутого стакана, ворчливое шипение пролитой жидкости и чей-то вскрик – затеялась потасовка. Кто-то из посетителей ахнул от ужаса, кто-то, как Дог, от восторга. Теперь у Жанны прибавилось работы. Оставив заказы в стороне, она бежит разнимать драчунов. При ней лишь одно оружие – слово. Но ей этого хватит.

Глава 11. Прощание под луной

Наступила ночь с яркими уличными фонарями и фонарями небесными – звездами. Две подруги пришли к тому месту, откуда началось их путешествие. Дашка ужасно устала, у нее даже пропали озорные искорки из глаз, паб словно забрал всю ее силу. Только Фрида продолжает громко и неприлично смеяться, нарушая очарование ночного безмолвия:

– Ха-ха-ха-ха! Знаешь, что самое смешное? Я-таки забрала у этого пса его ром! Не хотел дать глотка, так ведь заплатился за жадность бутылкой.

– Ты украла? – осуждающе посмотрела на подруг Дашка.

– Нет, зачем же? Ха-ха-ха! Просто проучила. Люблю давать уроки. Особенно таким песикам. Наивный до нельзя, ранимый как лопоухий щенок.

– Это Доггер-то ранимый?!

– Конечно. Ты в глаза побольше заглядывай. Он же жизни и самого себя боится. Вот-вот от ужаса расплечется. Весь на

нервах песик. Дитя, enfant. А все-таки добрый. Даже жалко его делается. Ну ничего, поправим.

– Что поправим-то?

– Всё по правим. Ладно, Дашунь, пора бы тебе домой.

Дашка на прощание обнимает Фриду. Она ужасно вымоталась за этот день, но она не может не спросить с заботой в голосе:

– Дойдешь до леса? Не заблудишься?

– Дойду, не бойся.

– Завтра встретимся в пекарне?

– Встретимся? Ты правда хочешь встретиться?.. Со мной?.. – искренне недоумевает огненно-рыжая. Ей казалось, что после разгромного похода в пивнушку у пегаса отпадет желание общаться с ней. Но предложение о встрече странным образом радует Фриду. Казалось, она испытала уже все, что можно испытать, однако эта глупая радость и растущее чувство привязанности ей незнакомы.

– Конечно! Почему нет? Мы же друзья, забыла? Я хочу показать тебе завтра город. Ты не видела наш парк, он просто потрясающий!

– Ладно, Дашка, встретимся... Странно все это.

С непонятным и до нелепости приятным чувством, растущего внутри тепла, ошеломленная и немного пьяная от выпитого алкоголя, Фрида тонет в чащи леса. Холодные и мрачные тени лесных деревьев гасят красоту и пышность образа лошадки. Мысли в голове пони путаются, но среди них мед-

ленно рождается идея.

Глава 12. План Фриды

Ворон-ученый завален своими исписанными бумагами так, что виден один лишь длинный клюв. Зрение, движение, мысли – все направлено на миллиарды букв перед глазами. Кажется, он уже забыл свой недавний промах. Неудачи преследуют всех ученых. Истинный гений перешагивает через них широким шагом и идет дальше, попирая невежество своим знанием. Слух раздражает резкий, нетерпеливый стук в дверь. Кто может знать о существовании фургончика отшельника? Кому в столь поздний час понадобился одинокий Орландо? Дверь открывается бескомпромиссным, злостным рывком с улицы. Фрида вернулась домой с трофеем в виде подписанной шахматной доски. Ее глаза горят решительным огнем, но взгляд рассеяно блуждает под действием выпитого рома. Грубым криком она заявляет о своем присутствии:

– Salut, mon ami!¹² Я теперь могу представиться!

Ворон с трудом выбирается из выстроенных бумажных баррикад. Внешне он не рад лошадке, но внутри что-то приятно отозвалось на возвращение гостыи.

– Ну?.. Где ты была?

– Фрида! Зови меня так! Мое имя Фрида! Не спрашивай, где меня носило, а лучше привыкай. Так будет всегда.

– Я тебя к себе домой не звал. И мне устанавливать здесь порядки, а не тебе. Ты пришлое, чужое, стороннее. Твое при-

---

¹² Привет, мой друг (фр.)

сутствие здесь – мой глупый промах. Но расплачиваться за него не собираюсь. Ты – defectus.¹³

– Ха-ха-ха! В таком случае «пришное» тебя обыграет! Я знаю, что заставит тебя впустить меня.

Фрида, словно игрок в карты, ловко достает из рукава свой козырь: черно-белую клетчатую шахматную доску.

– Видишь? Видишь? Это шахматы. Но фигуры в них необычные. Как ответишь, если я скажу, что через эту игру мы можем управлять судьбами ныне живущих?

Орландо не верит в мистику и волшебство, но верит, что любую магию можно объяснить физикой или алгеброй. Ему интересна черная магия, как любое другое явление материального мира. Ум ворон всегда открыт для новых исследований и экспериментов.

– Заходи, – приглашает в дом ученый. – Как оживлять фигуры будешь?

– Эта доска подписана одной легковерной жертвой. Ты знаешь силу автографов? Не зря все самые страшные договоры и сделки подписываются. Только времена меняются и вместо крови пишут чернилами.

– Может, и не зря я тебя вызвал...

Орландо внимательно осматривает Фриду с легкой довольной улыбкой. Было что-то очень приятное от такой мелочи, как беседа, обсуждение планов не со стеклянными

---

¹³ Недочет (лат.)

пробирками, а с живым существом.

– Размалеваться успела. Теперь точно ведьмой стала! – неожиданно выдает механический ворон.

– Я от заслуженных регалий не отрекаюсь, прошлое свое люблю и чту. А теперь отдохни и внимательно послушай. Вот что я затеваю...

Часть 2

Глава 13. Разучивание пьесы

В самом разгаре весеннего утра и начинается приключение, накрывшие героев подобно огромной волне, ураганной силой снесшей привычный уклад жизни. А пока неспешно шелестят листы, исписанные темными чернилами. В окошко домика Доггера ласково светит апрельское солнце, любопытная зеленая лоза свисает с подоконника и окутывает толстый переплет «Божественной комедии». В комнате лежит большое количество разных вещей: от потрепанной старой шляпы с пышным гусиным пером до венецианской карнавальной маски. Среди груды реквизита стоит Дог в темно-синем плаще, символизирующий по Блоку, скорую измену. Черничка в золотистой накидке похож на гордого воина, которого поджидает скорая слава. Театрально закидывая лапы в сторону, вознося взгляд во ввысь, пафосно и патетично разучивают пьесу, друзья репетируют первую сцену. По задумке автора сюжет пьесы вращается вокруг пропажи старинных часов, замену которым придется найти одному из сотрудников музея. Однако новый экспонат, как все старинные и таинственные вещи, скрывает в себе загадку, которая разразится на головы сотрудников проклятием. Доггеру нравится писать сюжеты с элементами мистики, фольклора, ужасов. Правда, конкретно эта пьеса симпатична ему тем, что

в ней он написал себе образ доблестного и отважного авантюриста, готового к встрече с опасностями. А еще именно у его персонажа самые трогательные речи на грани пафоса про бедняков. Доггеру нравится считать себя собратом по несчастью всех «униженных и оскорбленных», «отверженных». Черничке же он милостиво выделил роль волнительного, суетного рядового музейного сотрудника.

– О нет! Пожар! Кошмар! Пропали! Во беда! – начинает Черника, изо всех сил стараясь изобразить гримасу ужаса. Он спешно перебирает лапками, путаясь в накидке.

– Зачем кричать же так с утра? – равнодушно реагирует Доггер.

– Проснись, скорее! Кража здесь... Украли ценнейшую вещь! Часы старинные висели, для посетителей блестели, глаза восторгом наполняли!

– Ага! Воришки часто тут сновали. А что? Часы – чудесная находка. Их выкрадет любой бедняк: будь то мальчишки или девчонка... Теперь представь, что бедные воришки крадут часы, крадут и книжки, чтоб только голод их оставил! Хоть на день. Работать вовсе не им лень. Таков их быт, таков устав... Их не щадит судьба, им только б пожевать чего-нибудь с утра.

– Тебя не очень понимаю я! Кто нам часы вернет, кто нас спасет от разоренья?

– Не беспокойся – я твое спасение! Пойду по свету я искать музею новый экспонат. Как только часики найду – вмиг

примчусь и возьму потерю.

– Удачи, друг! В тебя я верю.

– Благодарю. Теперь закрой за мной скорее двери.

Кто-то с улицы настойчивым и даже повелительным, требовательным стуком настаивает на том, чтобы дверь открылась. Черничка с опаской, словно остерегаясь того, что из этой двери выскочит некий демон из проклятия, как по сюжету пьесы. Во время репетиций впечатлительная натура кролика погружается в игру с головой, уже не в силах разграничить вымысел и реальность, как иногда бывает в бредовых снах. В дверях, действительно, стояло то, что можно обругать «проклятьем», но другого рода. На смущенного кролика в упор глядит два зеленых глаза с кипящей и необузданной энергией в них. Это Фрида. Она вопросительно поднимает бровь, окинув взором маленького испуганного кролика. Ведьмочка ищет дом Доггера и просто не может ошибиться!

– Доггер дома, – словно прочитал ее мысли Черничка. Он привык к тому, что к «учителю» могут приходиться странные гости. Хотя эта незнакомка выглядит несколько нетипично даже для окружения Дога.

Лошадка по-хозяйски проходит в дом, брезгливо морщась, глядя на интерьеры в доме.

– Собирайся! – Приказывает она псу. – Мы идем снимать клип. Я нашла отличное место для съемок. Очень...Эм-м-м...Аутентичное!

Панк-рокер удивленно смотрит на красногубую гостью.

Какой же нужно обладать внутренней силой и упрямством, чтобы вот так, в чужом доме отдавать приказы?! Обычно пес туго запоминает лица своих знакомых тем более, если они встречались всего один раз, да и тот в пабе. Такое уж это место – все молниеносно улетучивается и исчезает вслед за рассасываемой пивной пеной в кружке. Но эти зеленые глаза с нездоровым блеском, алые, словно выпачканные в чужой крови губы, и пышную гриву, которую можно затянуть в тугой жгут и удушить им – этого не забыть никогда!

– Все уже собрались. Ждут только тебя, – загадочно добавляет Фрида.

– Да, конечно, – будто бы не по своей воле отвечает Дог, скидывая с себя театральный плащ.

– Но...мы не порепетировали... – с досадой и до смешного тихо пищит кролик в надежде остановить Дога, а Фриду выкинуть из дома, чтобы забыть потом навсегда!

– Нет. Я должен идти на съемки. Грей...Грей будет ругаться, если я опять отложу дату. Мне нужно. Я ухожу. Разбери реквизит на полу. Мы же уважающие себя актеры в конце концов, а не балаганные шуты!

Глава 14. Будущее ждет

Грей, Джейн, Дог, Глэйз, Орландо и Фрида. Разношерстная компания наконец-то собралась вместе. Их скрывает только набирающий силу весенний лес. Звери толпятся в старом фургончике одного сумасшедшего ученого. На улице

пахнет свежестью молодых листочков, стаявшим льдом, холодным ручьем, чей запах похож на сталь. В фургоне же пахнет деревянными пробками, шалфеем и травяными отварами. Грей держится отстраненно и самоуверенно, словно все происходящее его не касается, а лишь проходит параллельно. Джейн сжимает в лапах камеру, ее брови хмурятся, а глаза сосредоточенным и строгим взором осматривают новую обстановку. Дог пытается выглядеть разгильдяем и держится как можно более расслабленно, но на самом деле внутри него все сжимается от какого-то нехорошего предчувствия – Фрида не дает ему покоя, роковая красотка, нахалка, настоящая смерть! Глэйз с интересом рассматривает корешки древних книг и манускриптов, с удовольствием повторяя латинские названия разных органов на анатомических схемах. Кажется, пес даже улыбается про себя, одобрительно кивая безмолвным рисункам и чертежам. Орландо ввинчивает болты и гайки в огромный железный шар с большим стеклянным окном и начинкой из мигающих кнопок и рычагов. Фрида, как королева на балу, властно осматривает собравшихся, сидя за столом ученого, где сейчас стоит клетчатая шахматная доска и деревянные фигуры. Рыжая с интересом двигает пешки, переставляет короля и ладью, меняет местами черные и белые фигуры, смешивая их между собой, коней она держит как можно ближе к себе.

– Ну, Дог, кажется, мы должны играть в шахматы? Ведь таков сюжет твоего клипа, м? – лукаво спрашивает лошадка.

Пес растерянно и невнятно отвечает ей:

– Да, но почему ты привела нас именно сюда?

– Потому что тут мы будем играть в шахматы по моим правилам! Это уже не та доска с деревянными фигурами, что ты дал мне вчера в пабе. Твоя подпись очень пригодилась, чтобы чуть-чуть...одухотворить эту партию.

– Э-э, а что с клипом? Я не понимаю! – панк едва сдерживается, чтобы не крикнуть в отчаянии: «Помогите, прошу! В какой только омут мы попали с этой...ведьмой!» В зеленых глазах лошадки горит нездоровый блеск одержимости.

– Смотри, Орландо! Сейчас я покажу тебе, как умелый кукловод дергает за ниточки! – с бешеным восторгом кричит дьяволица.

Но кто-то грубо толкает злодейку в бок. Это Джейн. Отложив камеру в сторону, она решает показать Фриде, кто здесь главный.

– Я всегда знала, что не стоит доверять кому бы то ни было после одной-единственной беседы... Ну да ладно. Ты сумасшедшая! Я не знаю, что ты хочешь с нами делать и причем здесь шахматы, но я уже рассердилась, потому что из-за тебя мы потратили время в пустую, мы снова не записали клип, а еще...ты просто мне не нравишься!

Между пони и черной кошкой завязывается нешуточная драка. Слышно шипение, даже рычание. Шахматные фигуры рассыпаются по полу, так и не успев стать частью магического обряда. Черные и белые фигуры смешиваются друг с

другом: кони разбросаны вперемешку с ладьями и ферзями, слонами и пешками. Все смазывается, как испорченная кинолента, превращаясь в общую потасовку, где уже невозможно различить силуэты и отличить правого от виноватого. Как отдельные краски на холсте, что смешиваются от неуклюжего движения и создают грязный неясный оттенок. Слышно только:

– Осторожнее! Мои эксперименты! Наблюдения! Вы все порвете, бездари!

– Ура, драка!!!

– Если ты еще раз наступишь мне на лапу, то я тебя побью... Это не шутка!

– Все из-за тебя!

И, наконец, философское:

– Что я здесь делаю?..

Вспоминая в последствии этот случай, никто так и не смог ответить на главный вопрос о том, как вся компания вкадилась в машину времени, в тот самый шар, возле которого крутилась механическая птица. В общей суматохе звери не заметили ярких огней от зажженных выпуклых кнопок, неоновые загадочные цифры XXV на экране, предупреждающий об опасности красный цвет клавиши «пуск». Началась сильная тряска, в глазах все рябило черно-белыми и цветными геометрическими фигурами, яркими кляксами. «Вот

и смерть» – подумали собравшиеся. Даже Орландо, который давно перестал бояться конца жизни. Ему не в первый раз приходится пересекать границы времени, обманывая стрелки часов, но в этот раз он не один. Выдержит ли машина такое напряжение? Ответ ворон получил лишь после того, как металлический шар протяжно заскрипел, экран погас со звуком взорвавшейся бомбы, в глаз влетела отскочившая гайка, а дверь машины времени открылась... Звери чувствуют запах гари, предвещающий плохие новости. На гриве Фриды заплясал маленький огонек от перегоревшего провода, случайно упавшего на нее. Лошадка стремительно гасит его со словами:

– Что же... Мы тут на долго.

Глава 16. Буквальный андерграунд

Фрида, Орландо, Джейн, Грей, Глэйз и Дог попали в полумрак. Сначала их глаза не видели из-за ярких вспышек внутри машины, но и после того, как с глаз сошла пелена, они не смогли детально рассмотреть место, где находятся. Невольные путешественники во времени попали в подвал жилого дома, оказавшись практически под землей в буквальном смысле этого слова. Подвал пахнет плесенью, под лапами чавкают небольшие лужицы серого цвета. По углам разбросаны большие холсты, на которых изображены геометрические линии и пятна, какие мерещились во время скачка во времени. Такое чувство, что все они принадлежат кисти од-

ного художника, который отчаялся искать свою музу и обреченно свалил картины в подвал, поставив на них крест. Возможно, у него не понялась лапа выбросить творчество в урну, где бы краски на холсте мешались с вонючими просроченными продуктами и бытовыми отходами, поэтому он отнес свое искусство в подвал. Холсты затягиваются клубками бледной плесени, медленно умирая. Неужели в этом городе негде искать вдохновения? С купола машины времени спускаются черные и липкие подтеки машинного масла. Капля тягучей жидкости попадает Доггеру на нос. Пес выходит из шокового оцепенения только благодаря ей. Он смахивает липкое масло лапой, глядя на оказавшееся на полу пятно черного цвета:

– Ну и жижа...

Словно пробуя слово на вкус, он повторяет:

– Жижа, жижа... Что за слово? Кому оно понравится? Точно, Маяковскому! Стало быть, и мне тоже...

Так герои оказались в мире будущего. Оно встретило их сырым подвалом.

Глава 17. Дневник

Для того, чтобы не сойти с ума и быстрее осознать все то новое, что свалилось на головы горе-путешественников, Доггер, как самый творческий из всех собравшихся, решает записывать на обратной стороне выброшенных холстов короткие заметки о прожитых днях. К счастью, у Джейн, как у

личности тоже довольно творческой, нашелся огрызок сточенного карандаша. Вот что записал рокер мелким, неровным почерком в один из первых дней: *«Давно же я не брал в лапы писчий предмет! Стыд и позор! Удивительное дело, но моя дурная привычка доверять всем подряд, втянула не только меня, но и друзей в интересную историю... Мало того, что мы познакомились с настоящей ведьмой, так к ней еще в комплекте средневековый злой гений прилагается! Пришли снимать клип, а Фрида, ведьма то бишь, давай воду мутить, мол, шахматы, кукловод... Как можно оставаться в разуме, когда вокруг меня столько психов?! Бац-бац – мы в будущем... А я думал, для таких как я будущее не существует! Один день живу. Пейзажи и общие виды здесь, к моему разочарованию дворового романтика, слишком не живописны, чтобы их описывать. Какой-то странный удушливый воздух, словно каждую минуту химическую бомбу сбрасывают, духота, страдающие от безвыходности художники, которым больше нечего рисовать. Вот пишу на картинке чьей-то. Рисует геометрию. Пейзажей нет. Его бы к нам, в Хилтонгер! Чайные листы под солнышком рисовать! Глаза слепнут от гаджетов, в ужасе трясеешься от летающих над головой досок! И все так быстро, стремительно. Музыка выведена машинами и агрегатами. Мертвая музыка. Таких бунтарей, как мы, здесь никто не видел, и никто не увидит больше. Я в первую очередь на музыку смотрю. Какие песни – такая жизнь. Наша компашка, как это всегда бы-*

вает, растерялась и рассыпалась, как древний скелет. Мой любимый братец Глэйз крутится возле Орландо. Что за птица такая – до конца не понял. Дьяволица Фрида то кокетничает со всеми подряд, то дуется. Джейн хандрит, но пытается что-то сделать для общего блага. Чаще читает свои антиутопии. Чего читать – все перед глазами. Грей нервничает, но виду не подает, тоже все суетится и пытается выбраться. Ох уж мне этот Грей! Готов целыми днями дивиться своей красе. Лучшие бы спел. Самовлюбленный до ужаса! Как и я. Тщеславные же мы с ним псыны, мать моя анархия! Ух, голова болит. Не хватает настоящего рока, чтобы всю эту серость разгромить под визг гитары. И книг не достаёт. Нужно найти библиотеку. За что ни возьмусь в жизни – все какой-то Достоевский. То есть одни страдания. Горе мыкаем...»

Глава 18. Доктор

Грей, Джейн, Дог – троица рок-бунтарей собираются в одну кучку. Они поджигают сырыми спичками одну из выброшенных картин, чтобы в подвале стало теплее. На остатки собственных сбережений, найденных в карманах платья, черной косухи и длинного плаща из кожи с нашитым черепом, компания покупает скудное пропитание на несколько дней. Около костра, в чьих языках сгорает цветной холст, собрались друзья. Долгое время они не решались кинуть картину в огонь, пока это не сделал за них Орландо. Есть что-то завораживающее и медитативное в этих правильных геомет-

рических формах, прямых углах, одинаковых со всех сторон квадратах. Так искусство спасает друзей от неприятной подвальной сырости, чреватой простудой. Рокеры устали. И они не могут придумать ничего лучше, кроме как сесть друг к другу плотнее, запев знакомые всем рок-н-рольные мотивы. Одними голосами, без гитары. Никто не решается петь свои песни, поэтому единодушно выбрана классика.

Дождь идёт с утра, будет, был и есть и карман мой пуст, на часах – шесть.

И огня нет, и курить нет, и в окне знакомом не горит свет. Время есть, а денег нет, и в гости некуда пойти.

И куда-то все подевались вдруг. Я попал в какой-то не такой круг.

Я хочу пить, я хочу есть, я хочу просто где-нибудь сесть¹⁴.

Фрида с завистью смотрит на компанию, к которой она точно не может присоединиться. Ей чужды эти песни, она дышит совершенно другим воздухом и мыслит совершенно другими идеями. Несмотря на все свои старания, на хлопанье ресницами и предельную вежливость, она будет там чужой. Ее могут пустить погреться у огня, ведь сейчас, в этом подвале, все они равны друг перед другом, обиды забыты и прощены, но нужно ли ей это? Ведьмочка хочет подойти к Орландо, но с гневом, вызванным ревностью, замечает рядом с ученым Глэйза. И они уже тоже о чем-то беседуют! А Фриде... Не к кому пойти.

---

¹⁴ группа «Кино» «Время есть, а денег нет»

– Скажи, Орландо, – робко спрашивает Глэйз, – а ты гуманист? Каждый доктор должен любить своего пациента... И это, наверное, единственное, что меня смущает в будущей профессии.

– Нет, я не гуманист, – с какой-то злостной кривой усмешкой отвечает ворон.

– Но как? – не понимает черный пес. – Ведь ты же... доктор!

Орландо не отвечает. Он глубоко задумался. За всю его долгую жизнь накопилось множество интересных историй, которые иногда беспорядочным образом всплывают в голове. Тело ученого состоит из шестеренок, также и воспоминания в сознании образуют целостный, вращающийся механизм. Слово диафильм, перед Орландо разворачивается хроника собственной жизни.

***

Средневековый город опустел. На улицах не было никого, кроме снующих туда-сюда крыс, выискивающих себе пропитание, да ворон, занятых тем же. Под траурное карканье и голодный писк гордо шествовал чумной доктор. Он вселял трепетный ужас, он, маг и волшебник медицины, смерть и исцеление, черное пламя и красное зарево. На нем была широкополая черная шляпа, длинный плащ, закрывающий руки и ноги, маска с птичьим клювом и большие круглые очки, руки в бархатных перчатках сжимали трость для измерения

пульса больных. Хорошо, что в маске спрятан пучок пахучих трав, иначе бы врач не выдержал того смрада разложения и гнили, витавшего повсюду. К тому же травы помогали ему не заболеть самому. По крайней мере, так полагал доктор. Сзади него горел всеочищающим пламенем дом того, кто когда-то был больным, а ныне становится пеплом. Доктор сжимал в руке еще не остывший факел, с которого с шипением сыпались горячие угли. Жители города в страхе перешептывались, видя, как мимо окон проходит врачеватель чумы. Они спешно подливали в миски выпитое кошками молоко, ведь по словам всезнающего доктора, жидкость впитывала в себя инфекцию. Каждый, кто заразился чумой, боялся прихода врача. Ведь в его власти судьба пациента. И он мог как излечить, так и вынести бескомпромиссный приговор к смерти в полыхающем доме, из которого нельзя выйти, можно только сгореть вместе с вирусом. Никто не знал, что некоторые тела доктор забирал с собой, уничтожая только дом. Трупы были нужны ему для собственных научных исследований в анатомическом театре. Доктора звали Орландо. Его не любили за нескрываемую гордость и неприятное высокомерие, но уважали, как человека знающего и умного. Врач был раздражен. Он как раз начал работу над большой анатомической схемой, где изображал человеческий скелет. Орландо нужен был мертвец, а последнего больного ему забрать не удалось. Останавливать работу ужасно не хотелось. Пока доктор бранился про себя, проклиная родственников

больного, не давших унести тайком труп, он продолжал идти к другому пациенту. И вот, глухой стук врача тростью в дверь.

– Кто?.. – хрипло донеслось откуда-то из глубины дома. У больного не было сил на то, чтобы произнести предложение полностью.

– *Chirurgus sum.*¹⁵

– Кто?.. – повторил свой вопрос больной, который в силу своей неграмотности не владел латынью. Орландо прекрасно это знал, но ему хотелось с первых же минут показать свое превосходство.

– Доктор.

– Наконец-то... Мне кажется, я умираю.

– И правильно делаете, – со злой иронией сказал врач, заходя в дом пациента.

Он хорошо помнил этого бедолагу. Мужчина мог бы прожить еще лет двадцать, если бы не чума. Благодаря здоровому от природы организму, шанс на выздоровление у больного был велик. Но пациент тяжело переносил хворь и мучился уже достаточно долго. Все тело несчастного горело и было усыпано неприятными бубонами, дурнопахнущими струпами. Орландо помогал, как мог: прикладывал к изнемогающему жаб, пускал на тело насекомых и пресмыкающихся, даже пытался вскрыть некоторые нарывы и прижечь их же-

---

¹⁵ Я лекарь (лат.)

лезом, но все без толку.

– Помогите, – с мольбой обратился пациент.

Орландо хотел было со вздохом приступить к привычным и ему, и больному ритуалам однотипных и незатейливых процедур, как в голове пронеслась страшная мысль, встревожившая целителя.

– Само собой, – дрожащим от волнения голосом ответил врач, – я дам тебе пить. От воды станет легче.

Чумной доктор ловко подсыпал в стакан цианид – сильноедействующий яд моментального действия. «В конце концов, он серьезно измучен болезнью. Я, действительно, сниму боль. Да и пасть жертвой науки – смерть благородная, а достойная гибель страшна только вполовину». Рука Орландо дрожала, но все-таки верно сделала свое страшное дело. Подавив волнение, доктор поднес стакан к дрожащим от лихорадки губам.

За спиной доктора снова вспыхнул пожар. Орландо вышел из горящего дома только что умершего пациента, неся того с собой на руках. Исследования продолжатся. Какое-то время лекарь чувствовал неприятное чувство вины и горечи сожаления, руки еще дрожали, но от воспоминаний о своем чертеже и о том, как будет здорово, когда схема будет готова, волнения отступают. «Любые средства хороши, если цель оправдана. А что может быть важнее чем служение на-

уке? Так было всегда: слабый умирает, а сильный остается. Я сильный, значит, я могу».

***

Ворон чувствует неприятный острый ком, подкатывающий к горлу. От него даже тяжело дышать. В подвале становится невозможно душно. Ученому видится страшное лицо прокаженного. Но рядом с ним раздается голос пытливого Глэйза:

– А как ты относишься к анархии? Мой брат ее просто обожает, но я никак не могу понять, как беспорядок может обеспечить всеобщий порядок?

Орландо как никогда рад присутствию живого существа подле себя. Обретая уверенность, он отвечает тоном наставника:

– Я люблю анархию, но не люблю анархистов. Особенно таких ярых, как твой брат. Все они заканчивают одинаково: что-нибудь подожгут, сломают, а потом сразу же помирают. Многие светлые мысли ученых грубо втоптываются в грязь народным невежеством.

Немного подумав, ворон продолжает:

– А ты бы мог быть моим учеником, Глэйз. В тебе есть жажда познания, но недостаточно самого знания. Это отлично! Я могу вдабливать тебе любые свои идеи, а ты будешь послушно их записывать и восхищаться.

Черный пес оскорбленно поджигает губу. В конце концов, у него не меньше гордости чем у ворона. Роль ученика он оставит своему другу Черничке.

– Во мне есть знание. И его достаточно много.

Глава 19. Неискренний свет

Следующим утром Доггер направился в библиотеку. К его большому сожалению, он не захватил с собой ни одной книги, а свою жизнь без чтения пес уже не представляет. Кто мог знать, что все обернется таким непредсказуемым образом? Великий мастер побега от реальности. Он пускает в ход всевозможные средства, чтобы погрузиться в другой мир с головой. Уйти от внешнего и от внутреннего, от собственных страхов и неуверенностей, глодавших душу, как огромную кость. Чтение – самый интеллигентный и безопасный способ из всех. К тому же оно питает, а не разрушает мозг. Доггу нравилось читать что-то старинное, даже романтическое. Пес всегда подчёркивает, что родился не в том веке и не в то время. И какая ирония: даже оказавшись в машине времени и совершив петлю по отпущенным жизнью часам, он попал не туда, куда бы ему хотелось. Кто смотрит в будущее без опаски? Лишь самоуверенный глупец, что думает, будто распланировал свою жизнь до мельчайших подробностей, предугадав все повороты прихотливой судьбы. Доггер, как любое другое живое существо, боится того, что будет, ищет защиты в прошлом. Там, где все уже когда-то было, когда-то происходило и жило. А будущее далеко. Неизвестно

даже насколько. Смерть таится не в прошлом. Она обитает в том, что грядет. И тем страшнее ждать нового дня, месяца, года... Кстати, многие книги писались в прошлом. Не потому ли панк-рокер так любит классику? Наверное, сейчас, в этом странном будущем, очень трудно писать книги. Сюжеты исчерпываются, как иссекаемый источник. Только какой-нибудь фантазер выдумает увлекательный сюжет, с воодушевлением примется излагать его на бумаге, как с горечью поймет, что все это уже было до него. Здорово найти в инновационном мире писателя и поговорить с ним на такую тему. Может, сейчас выдумали какие-то формулы, по которым просчитываются, создаются оригинальные герои для книг? Таблицы с интересными сюжетами? Дог успел про себя отметить, что со временем все больше и больше главенствует разум, оставляя меньше и меньше места чувствам. Хорошо это или плохо – решать не ему. И сейчас уже некогда рассуждать об этом. На горизонте мигает огнями вывеска: «Библиотека». Здание с огромными, безупречно чистыми окнами. Внутри все, преимущественно, белое или бежевое. Одним словом, как в больнице. Может быть, в этом что-то есть. Книги как врачи для души. Ведь некоторые тома, действительно, способны снять боль и залечить раны. Давно пора заносить книги в рецепты, что выдают больным. Однако, как ни старается Дог, напрягая свое зрение, но книг, самого главного, книг здесь нет! Внутри сильно пахнет кофе и свежей выпечкой. Пес, особенно чувствительный к запахам,

изо всех сил старается уловить аромат старых страниц, застывших чернил, кожаных переплетов. «Пш-шш-ш» – шипит кофемашина сзади, подавая гостю очередной стаканчик свежесваренного эспрессо с аппетитной пенкой. Посреди зала стоит огромный, такой же стерильный, стол, на котором размещаются странные устройства. Похоже на ящик с откидной крышкой. Верхняя часть горит странным, ярким светом. Словно кому-то захотелось превзойти ночной свет звезд, и он создал этот до невозможности яркий экран. Глаза Доггера заслезились. Словно маленький щенок, он как будто бы всхлипывает, поминая былое величие всех библиотек, книжных храмов. Свет из ящика кажется ему каким-то фальшивым, искусственным, даже...неискренним. Но самое страшное: глаза всех тех, кто упорно глядит в светящуюся крышку, начинают светиться чем-то таким же ненастоящим и сухим. Как будто по ту сторону экрана на них глядел какой-то фокусник, гипнотизирующий не только глаза смотрящего, но и его разум. Вместо тихого шелеста переворачивающихся страниц слышится назойливый стук по клавишам, располагающимся на нижней части складного ящика. Звук чем-то напоминает пишущую машинку, но более...модернизированную. Доггер чувствует, как к нему начинает приближаться страх. Вот-вот глаза оторвутся от экранов, взглянут на пса, но тот не увидит в них ни мысли, ни чувства, а сплошной поток сменяющих друг друга цифр. Несмотря на то, что все звери сидят совсем рядом с другом, они совершенно не об-

рацают внимание на своих соседей рядом. Кто-то расположился с воткнутыми в уши устройствами, передающие звук, и общается через встроенных в них динамик с кем-то. Другой активно жмет на кнопки и с диким азартом смотрит на экран, время от времени раздраженно ругаясь. Что-то вроде: «Опять проиграл!»; «Чертов уровень!». Некоторые активно печатают слова на этой странной, новой машине для письма и, как кажется, для всего на свете одновременно. Может быть, это современные писатели, которые хотят спасти библиотеку и наполнить ее новыми произведениями? Доггеру кажется, что он вот-вот вскричит от ужаса, если не услышит прямо сейчас хоть один настоящий, живой, реальный звук!

– Простите, – как можно вежливее старается спросить панк у одного льва в деловом костюме, что активнее других стучит по клавишам. – а где я могу найти...книги?

Дог с интересом смотрит на экран, где то и дело загораются новые сообщения, перекрывающие открытый документ с таблицами. Лев старается загородить своей косматой головой монитор, с подозрение покосившись на пса с ирокезом. Каждый в городе знал «Золотое Правило Этикета»: никогда не смотреть на чужой экран. Никогда! Это все равно, что заглядывать в окна жилых домов или вскрывать конверты с чужими письмами.

– Книги? – переспрашивает лев. – Ну, там, в зале, где лампочка перегорела, кажется, что-то такое оставалось. Да Вы садитесь рядом, ноутбук свободен. Любую книгу можно най-

ти. Вон, мой сосед справа каждый день приходит сюда почитать.

– Читать? В этом ящике есть даже книжки?.. Бедные! Незавидная судьба.

– Извините, мне нужно отойти за кофе, – отвечает лев, чувствуя дискомфорт рядом с этим наглецом, сбежавшим, верно, из психбольницы.

– Подождите, – настаивает Дог. – Вы писатель, да? Пишите?

– Я пишу, – с наглой усмешкой отвечает пышногривый собеседник. – Отчеты по своему бизнесу и бесконечные ответы на письма поставщиков, партнеров и спонсоров!

– Ясно... – пес чувствует себя виноватым.

Доггер сконфуженно направляется в маленький закуток, где, действительно, не горит свет. После неискреннего сияния из ящика панк-рокер не против хотя бы чуть-чуть побыть в полной темноте. Со странным чувством, как будто он что-то украл, пес наконец погружается в полный мрак. Или это мрак поглощает его? Знакомые деревянные стеллажи, по углам которых оседает серая пыль, а некоторые полки прогибаются под тяжестью многотомников. Панк с трепетом проводит по корешкам лапой, чтобы убедиться, что наконец-то нашел сокровища. Он осторожно берет темно-фиолетовый томик с готическими узорами, и прищуривает глаза, чтобы прочитать надпись на обложке: «Эрнани. Виктор Гюго». То, что нужно! Доггер осторожно оглядывается, прижав к себе

книгу, не собираясь ее больше отпускать. Он снова подходит к деловому льву, чья грива, кажется скоро встанет дыбом от очередного вопроса пса.

– А я могу взять книгу? – Наивно и осторожно спрашивает рокер.

Лев с недовольством косится в его сторону и, отмахиваясь, как от назойливого насекомого, спешит прогнать от себя прочь:

– Да бери уже, бери. Кому они тут нужны?

Счастливый Доггер быстро-быстро убегает из странной, если не проклятой техникой библиотеки, громко закрыв за собой дверь. Однако, этого никто даже не услышал. Пес беспечно идет по улице и даже не подозревает, что все это время за ним внимательно следили...

Глава 20. Деньги не пахнут

Из-за угла, как тень, сзади панк-рокера кто-то хрипло и таинственно зовет его:

– Эй, ты, с гребнем на голове. Ну!

Доггер с неохотой оглядывается. Наверное, это нормально так небрежно обращаться к панку, а все-таки обидно. Впрочем, пес уже привык откликаться на самые немислимые оклики и прозвища. Из тени выходит рыжий хорек цвета осенних листьев. На одном глазу у него черная, словно пиратская, повязка, придающее ему сходство с бандитом. Второй желтый глаз из-за этого кажется еще более выразительным, ярким, изучающим, жутким и внимательным, словно

буравчик, проходящий насквозь.

– Подзаработать хочешь, а? – оскаливается пасть, полная острых зубов настоящего хищника.

– Ну... Хочу. Кто не хочет? – усмехнулся Дог. После льва, ведущего бизнес, этот плут выглядит хотя бы живым и эмоциональным.

– А-а-а, я вижу, ты знаешь толк в деньгах! Я всегда говорю, что у денег есть только два свойства. Первое – они не пахнут. Второе – никогда не бывают лишними. Ты же понимаешь, да?

Хорек – очень худой и вечно суetyющийся. Он, как гуттаперчевый, постоянно тянется, извивается, хватается за галстук Дога, как будто бы, чтобы не упасть от своей подвижности. Беспокойство – вот кто этот зверь.

– Но что ты хочешь мне предложить? Я уважаемая личность и на склад работать не пойду!

– Склад?! Да ты весельчак. Я, кстати, тоже. Знаешь, я тебя заметил. О да, а это значит, что заметят и другие. Понимаешь?

– Нет...

– Умеешь болтать целый день, как заводная игрушка?

– Пф-ф-ф, считай, что это мой профиль.

– Я знал. Просто не мог ошибиться! Ты будешь продавцом в метро. Но обсудим это у меня дома, ладно? Не хочу, чтобы нас кто-то услышал...

– Так-так, стоп. Чем ты предлагаешь мне торговать? У се-

бя дома я могу заниматься чем угодно, но в чужом городе нарушать ничего не собираюсь. В Риме я веду себя как римлян.

– Ты еще и не местный?! Отлично! Я должен был догадаться. Должен. Ты говоришь с акцентом. Пойдем-пойдем скорее ко мне. Все будет нормально. Мелкая торговля. Чистящее средство для милых домохозяек. А, да. Мы можем открыть у меня дома пиво. Как знал, что встречу тебя, дружище!

Слова сыпались нескончаемый потоком. Казалось, они вот-вот завалят и раздавят, несмотря на свою легковесность и бессмысленность.

– Другой разговор. Э-э-э, дружище?

Так Доггеру предстояло познакомиться с местными квартирами. Хорь, как длинная и крепкая веревка, обхватывает лапу пса и тащит за собой, так хищник несет свою добычу в логово.

Глава 21. Умный дом и его глупый хозяин

Перед Доггером предстает жилище нового образца и типажа. Если хозяин – это душа квартиры, то здесь все было наоборот. Не владелец старается устроить свое жилище, а сам дом организовывает и формирует своего хозяина. При входе в дом под лапы сразу же бросается несчетное количество щеток, швабр, прикрепленных к роботам, которые подобны многолапому насекомому. Дог в испуге отпихивает одно такое чудище подальше от себя, как нечто противное

и неприятное, даже опасное. Робот-чистильщик беспомощно пищит, пытаясь самостоятельно подняться, точь-в-точь перевернутый жук на панцире. Огоньки на дисплее светятся желтыми, синими, красными яркими цветами в надежде, что кто-нибудь придет на помощь бедному механическому существу. Хорь бережно поднимает одного из своих помощников.

– Ну зачем ты так? – укоризненно обращается он к своему гостю.

Если раньше дома наполнялись жильцами, то сейчас в квартирах было больше роботов. Наверное, в будущем бояться тишины, потому что в городе очень шумно. Постоянно что-то хлопает, рычит, гудит, сопит, искрится электрический ток, бегущий, как кровь по венам, в дома и корпорации. Квартира не убежище, а логическое продолжение и подпевало к общему хору, состоящего из непрекращающегося гула. У Доггера начинает болеть голова, а хорека, кажется, уже родился с этим шумом в ушах. Иначе как объяснить его безразличие? Он живет один, в окружении бесчисленных роботов: механика для уборки, для починки, готовки, стирки, досуга – всего не перечислить. Вдруг, довольный и гордый за свой умный дом, хитрец с улыбкой достает из-под подушки электронного таракана с рыжим корпусом:

– Даже таракан!

– А он-то тебе зачем? Завел бы хоть что-то живое одного разнообразия ради.

– Я живой. Этого достаточно. А таракан для роботов. Иначе им некого будет гонять.

Хорек кидает шустрого механического таракана на пол с удовольствием наблюдая за погоней чистильщика и электронного насекомого.

– Ну, не знаю, – скептически заключает Доггер. – Если уж здесь начали развлекать роботов, то непонимающий дурак либо я, либо просто вокруг меня все идиоты!

Плут достает серый пульт, усыпанный кнопками с рельефными подписями на иностранном языке. На стене загорается огромная плазма с подкрашенными, но имитирующие реалистичные, картинками, одна за другой сменяющие друга. Казалось, все здесь подражает жизни, создает впечатление занятости, наполненности и суеты. Но стоило убрать из квартиры множество роботов, все сразу бы стало пустым и бессмысленным. Дом мог спокойно прожить без хорька, но непременно бы развалился без электронных слуг и помощников.

Услужливый робот на колесиках любезно подвозит гостям серебристый поднос с пивом, безупречно чистыми гранеными стаканами и легкой закуской. Откуда-то буквально прилетает диван, как в какой-нибудь сказке. Доггер впервые за долгий день садится, чтобы отдохнуть.

– Единственное, что не меняется! – довольно заявляет пес, держа полную кружку в лапе.

– Слушай, я даже имени твоего не знаю. Может, попробывать угадать, а? – резво предлагает хитрый зверек.

– Не стоит. Припишешь мне какого-нибудь Людвига или Рудольфа, а мне потом живи с мыслью, что у меня вид, как у Берни или Джона. Я Доггер. Сокращенно Дог.

– Ну, а я Неон.

– Я знаю, что ты – это не он, чего голову морочишь?

– Сам себе и морочишь! Неон! Это имя! Элемент из химии, 18-1 группы первого периода таблицы Менделеева, атомный номер 10. Между прочим, пятый по популярности. Ну, после кислорода там всякого, гелия, углерода....

– И почему тебя так называли?

– Обычно мы носим имена химических элементов или чего-то, что как-то связано с наукой. Новому веку нужны новые имена! Всякие «Доггеры» давно остались в прошлом.

– Да что ты говоришь... А если я из прошлого? Как тебе? – с интригующей улыбкой спрашивает пес.

– Из машины времени? – равнодушно уточняет Неон.

– Да-да!

– Обычное дело, – апатично отзывается хорек. – Тут таких много, кто все-таки решился залезть в эту консервную банку.

– В смысле? – не понимает рокер, все еще не веря, что его неожиданное заявление о путешествии во времени не производит должного эффекта.

– Не так давно у нас открыли аттракцион, который так и называется «Машина времени». Э-э, мне рассказывали о та-

ком, сам-то я ни за что не полезу в эту железяку. Ну вот, платишь денежки, залезаешь в машину, ставишь время и дату, а потом перемещаешься. Правда, многие так и не вернулись. Застряли где-то между «вчера» и «сегодня». Никто не знает, где они. Так и болтаются, наверное, бедолаги в безвременье. Говорю же, консервная банка! Заплатишь, так потом еще и исчезнешь!

Доггер на минуту задумался. Каким странным все это кажется: машины времени, роботы, библиотека без книг. Пес осторожно проводит по темноватой обложке «Эрнани». Издание не новое, а здесь и уж тем более совершенный раритет! Удивительно, что пьеса Виктора Гюго вообще дожила в таком виде до этого дня. Видимо, ее просто никто не читал, а следовательно, и не истрепал, не испортил страницы, не опрокинул на обложку чашку с чаем, запачкав произведение расплывчатыми коричневатыми пятнами.

– А ты из чудиков, – с насмешкой бросил Неон, щуря единственный глаз в сторону книги. – Но хватит о пустяках. Нужно обсудить дело. Итак, я буду выдавать тебе несколько партий моющего средства в день, а твоя задача – продать целую сумку товара за один день. Но есть одна проблемка, брат. Продавать ты будешь в подземке. Слышал про метро?

– Это, кажется, такие вагоны под землей?

– Они самые. Учти, дружище: расстояние от станции к станции минимальное, но ты просто обязан успеть уложиться в этот интервал, чтобы хоть один из пассажиров отвлекся

от самого себя и купил наш товар. Будешь расписывать могущее средство во всей красе. Я дам тебе свою грязную футболку, поставишь на ней эксперимент и докажешь безупречность, уникальность и все такое, нашей продукции. Я покажу тебе, как нужно сделать. Деньги, само собой, разделим пополам. Без обмана уже пять лет на рынке. Я выбрал тебя. Ты... привлекаешь внимание. Книгу не забудь с собой взять! Ха-ха!

Хорь достает из-за диванной подушки ветхую футболку, усаженную разными пятнами так, будто ее вообще никогда не стирали. Эти пятна странного, коричневатого, едкого цвета. Они не выглядят естественно, но тем больше ужасают своей безобразностью. Услужливая техника уже несет своему хозяину волшебный порошок в разноцветном, переливающимся на свету пузырьке. Парочка нехитрых манипуляций со средством – пятен как не бывало. Глаза Доггера загорелись щенячьим восторгом. Кажется, новый век наконец-то начинает радовать удивительными открытиями.

– А мне можно такую штучку себе забрать? – нетерпеливо спрашивает панк. – Во Черничка обрадуется, что больше не надо будет чернила со стола по несколько часов оттирать!

Неон удивленно смотрит на своего собеседника, но пользуясь моментом быстро отдает ему флакончик с «магическим» раствором:

– Конечно, бери. Мне не жалко, брат!

Доггер широко улыбается. Вместе с этим чудо-средством

он получает еще и первого друга в этом новом и незнакомом мире. Это ли не счастье? Дружеское плечо, приятельские посиделки со стаканчиком холодного пива после непростого дня... Кажется, дела начинают идти на лад. А привлечь внимание панк-рокер умеет, поэтому в том, что их компания будет при деньгах – сомневаться не стоит. Стрелял в книжные строки из библиотеки, а попал прямоком в клад, чьи сокровища вот-вот посыплются на голову.

Глава 22. Разоблачение

Маленький и тесный подвальчик со спертым воздухом сильно затуманивает мозги его скромным обитателям. Видимо, теснота помещения сдавливает и саму личность, что находится внутри него. А спертый, душный воздух, подобно ядовитому газу, отравляет мысли, делая помыслы злыми и токсичными. В подвальном мрачном тусклом свете даже Джейн, чей стержень выстаивал в самых лютых несчастьях, поддается хандре. Ей кажется, что красный ошейник вот-вот толстым и большим питоном сожмется вокруг ее шеи плотным удушливым кольцом и перекроет воздух. Ремешок на платье превратится в пыточные тиски, сжимающие до тех пор, пока последний вздох не вылетит из погибающего кошачьего тела. Жуткие образы спорят один с другим, не собираясь отступать. От их борьбы головная боль начинает громко звучать в висках, разрывая череп пополам. «Замолчите!» – хочется крикнуть пустоте. Джейн достает из кармана черного платья колоду игральных карт, начиная раскладывать па-

сьянс. Карты – вот единственное место, где судьбы пришельцев могут сложиться как надо. Но, вдруг, пиковая дама отлетает куда-то в угол, прочь. Гитаристка нервно отбрасывает картонные, потрепанные от времени карты в сторону, будто они уже напророчили что-то жуткое и злое. Кошка быстрым шагом берет бутылку вина, где на дне еще рубиновым цветом горит пара капель. Рывком она подносит сосуд с напитком к губам, но то ли во всем виновата импульсивность и неровность движений, то ли у Джейн сегодня плохой день, капли капают прямо на черный бархат платья. «У, черт!» – злобно ругается гитаристка, расстроившись еще больше прежнего. Бутылка зелеными осколками лежит на полу.

Доггер, что все это время лениво глядел в полоток, занятый какими-то своими хаотичными мыслями, резко вздрагивает, будто бы выходя из глубокого сна. Все понятно. Алые винные пятна уродливо выделяются на черном фоне.

– Спокойно. У меня есть решение! – героически восклицает панк-рокер. В его лапах «волшебное» средство, что бьет по пятнам точным ударом. Пес принимается вычищать вино с одежды отработанными и выученными движениями, которыми он орудует день за днем, демонстрируя зевакам в поезде чудо-средство. Но волшебство почему-то не происходит... Дог трет сильнее и сильнее, но пятна становятся еще больше и неряшливее.

– Отойди уже, сейчас совсем испортишь, – раздраженно прогоняет его черная кошка, нервно одернув ткань. – Что

это у тебя?

Доггер непонимающе смотрит то на пятновыводитель, то на грязное платье.

– Я не понимаю! – волнуется пес. – Оно всегда работало в метро! Это товар, которым я торгую, благодаря ему мы сейчас могли выпить вина... – растерянно оправдывается Дог.

Орландо почти бесшумно подъезжает к рокеру с бесстрастностью стороннего наблюдателя, разглядывая жидкость во флакончике.

– Дай-ка посмотреть.

Ворон из шестеренок внимательным взором изучает пузырек, даже пробует понюхать его.

– Это спирт. Не более, – подвел итог, вынес приговор обману ученый. – Единственное, долго работали над запахом, чтобы поприятнее было нюхать. Многое можно вывести, но многое и нельзя. Тем более, из-за аромата спирт немного ослабел. Какие пятна ты им выводил?

– Откуда я знаю?! Какие-то коричневые, черт разберет...

– Йод! Он отлично растворяется в спирте! Поздравляю тебя, Доггер, ты мошенник. Продавал, мягко скажем, некачественный товар. А грубо, просто воровал чьи-то деньги за баночку с разбавленным спиртом.

«Мошенник, мошенник, мошенник» – раздаётся в голове панка. Неужели он воспользовался своим талантом заинтересовывать зрителя во вред? Правда ли, что его актерские способности послужили оплотом для лжи, обмана, наглого

вранья и простого потребительства чужих карманов? За красивыми словами – горстка трухи, мусора... И это он, Доггер, считавший себя доселе талантом, пал так низко, что встать уже нет сил... А сцена? Разве можно выйти на нее теперь, понимая, что голос, как гипнотизерский транс, одурманивает и запутывает, заставляя умы работать по-другому. Если все это правда, а не дурной сон, то панк срывает с себя маски, смывает грим, закрывает занавес, чтобы больше никогда его не поднимать. Спектакль закончен. Зрители могут идти домой. Пес тяжело садится, невольно роняя волшебный флакон. Вдруг, в голове вихрем проносится вопрос: «А Неон?»

...

Фрустрация

Лежа на спине Доггер смотрит вверх, под самый купол, с трудом осознавая, что перед ним: безграничная ночная небесная даль, усеянная звездами или просто черный-черный потолок, заляпанный белыми крапинками краски? Пес все еще вспоминает, как кинулся к дому хитрого Неона, чтобы сказать ему правду. Он просто не мог поверить в то, что хорек умышленно обманывает его... Но квартира оказалась абсолютно пуста, если, конечно, так можно сказать про место, где всегда, даже в отсутствие хозяина, трудятся роботы. Один из таких механических помощников и сказал полному негодованию и смятению рокеру совершенно без эмоций, без радости или сожаления, фразу, не срывающимся голосом: «Неон заработал денег и уехал в другое место. А

еще просил передать, цитата: «Привет» Доггеру, его работа неудачником закончена». Конец цитаты. Эти слова и сейчас крутятся в голове обманутого панка. Получается: не было ни дружбы, ни беседы за кружкой холодного пива... Была лишь одна большая ложь. Осталось ли в этом мире хоть что-то, что можно еще назвать настоящим?! Настоящие ткани, материалы, продукты, книги, музыка, друзья?.. Настоящая жизнь?.. Кому выпал этот век, наверное, успел приноровиться, прикрыв свою живую душу каким-нибудь новомодным плащом из синтетической ткани, а чтобы та молчала заткнула ее выстроенной с помощью компьютерной программы мелодией, которые каждый день создают машины, собирая нотные комбинации одна за другой. А еще, перед тем как очутиться здесь, в некоем темном и неосвещаемом ничем пространстве, Дог слышал голос: «Лучше бы с таким талантом выступал на сцене». Но дар, упавший в грязь, меркнет, перестает блестеть, навсегда оставаясь запятнанным позором. Панк слишком увлечен, слишком напорист и азартен, чтобы заподозрить нечистое. Он артист, ему трудно удержаться, когда слышны крики " Браво!" и овации.

– Дог? Ты живой еще? – раздается знакомый голос из темноты. Он призывает вернуться из бездны и открыть глаза.

Оказывается, все это время Доггер лежал в подвальчике, ставшим за долгое время пребывания, родным. И не было ни сводов, сжимающихся над головой, ни стальных решеток, грозящих и угрожающих. Угрызение совести? Да, ско-

рее всего так.

Глава 23. Happy birthday

Когда Дог открывает глаза, пугающие образы, как трусливые тени на свету, убегают прочь. Возможно, навсегда. Возможно, просто затихли до поры до времени. Доггер не успевает соотнести прошедшее с нынешним, как неожиданно и резко пятно черного меха перед глазами становится все более и более узнаваемым. Джейн взволнованно стоит над панком, но, заметив, что с тем все в порядке, добродушно улыбается и хитро щурится, будто бы она – обладательница сверх тайного знания. Кошка дружелюбно протягивает псу новую бутылку из зеленого стекла:

– С Днем Рождения, Дог!

Пожалуй, нет такого существа, которое бы не любило праздники. Но день рождения на многих наводит тоску. Чего хорошего в осознании того, что время прошло, а положение дел осталось прежним, или даже усугубилось? Доггер даже не помнил толком: отмечал ли он когда-нибудь свой праздник? Возможно, в детстве, не понимая, какая разница между четырьмя и пяти годами возраста – да, а потом? Откуда Джейн знает, что сегодня – день рождения Дога? А какое сейчас число, какое «сегодня»? Слишком много вопросов при полном отсутствии ответов. Однако внезапно наступивший праздник раскрашивает серость и будничность под-

вала. На потолке нет разноцветных воздушных шариков, но почему-то появляется ощущение, что вокруг все становится ярким, а не пасмурно-серым. Дог смотрит сквозь зеленое стекло и из черной кошки получается темно-болотная. Чудеса! Задавать сейчас вопросы – все равно, что отказываться от внезапно свалившегося счастья в виде крупного выигрыша. «Как странно, они все мне улыбаются, будто я супер-герой сегодняшнего дня. В глазах нет ни намека на... презрение или укор. Не это ли называют... дружбой?» – думает Дог. Но в слух говорит совсем другое:

– Вот что такое магия дружбы... Вино из неоткуда! В прошлом году, насколько я помню, все почему-то рассорились. Кажется, из-за того, что не могли поделить куплеты в песне. Каким-то чудом успокоились, повспоминали прошлое, как водится на таких праздниках, поплакали, помирились и пошли громить мою хату, ну это как обычно всё.

А потом его вновь накрывает большая волна, но на этот раз не отчаяния, наоборот, вдохновения... То, что копилось долгими годами и стояло комом в горле, жаждало вырваться на свободу криком или тихим шепотом, вдруг, прорывается наружу:

– Я не стану сегодня курить.

Не зови меня взглядом, афиша,

Мне бы сегодня пойти покурить и

Смеяться, кричать бесстыже.

Но тот мост, истукан чугунный,

Спиной выгибаясь горбуньей,

Шепнул мне: «Спокойно,

Отдохни хоть сегодня достойно».

Рельсы неслись, а меня, бродягу,

Что-то заставило воспротивиться мраку.

Побежать на тот мост,

Слабо, в блаженстве, сникнув, опустить хвост.

Вдохнуть, снова выдохнуть и понять:

«Нет, не дано нам летать...»

Так простоял на мосту я весь день.

Где-то над ухом звенела капель.

Завтра я снова не стану курить.

Друзья, не зовите кутить.

Грей, Джейн и Глэйз удивленно смотрят на Дога. Они ожидали шутки или колкости, задорной песни, но никак не чтения стихотворения. Неуклюжей, совсем не бунтарско-революционной, лирики.

– Был бы тут Черничка, все вышло бы более складным. Я не поэт. Поэтому предлагаю отметить еще один мой пропадавший год жизни прозаично, но с размахом!

Глава 24. Откровения

Джейн мирно посапывает в темном и немного сыром углу подвала. Она счастлива. Неприятное, коварное чувство зависти к Доггеру, как к успешному музыканту, давно не мучает ее. В этом путешествии у нее получается смотреть на него не как на звезду панк-рока, не как на коллегу, а как на живое существо со своим клубком путанных мыслей, как на пса, способного точно также как и она: ошибаться, грустить и радоваться. Джейн даже испытывает к нему самые чистые дружеские чувства. Подумать только! Грей тоже тихо сопит, убаюканный винными парами. Только Глэйз и Дог молча смотрят друг на друга. У каждого в глазах читается своя мысль и тихая сокровенная грусть.

– Почему ты всегда видишь во мне объект изучения? –

Осторожно начинает Дог, обращаясь к брату. – Какое удовольствие препарировать живых?! Почему, почему ты такой сердитый? – С обидой завершает он.

Глэйз удивлен. Давно, очень давно они не говорили друг с другом по душам. Пожалуй, с того самого момента, пока они не стали подростками и каждого не потянуло в разные стороны. Одного – в панк-рок, другого – в медицину. Черный пес не сразу решается ответить. Подобрал слова, он спокойным и ровным голосом начинает:

– Честно?... Ты бесишь меня, потому что ты ничего не боишься. Можешь смело идти в толпу, не боясь ее воплей и осуждений. Ты открыт публике, а я бы желал свернуться от всех в плотный и толстый кокон. Книжки – не живые пациенты, с ними я могу ошибаться, они всегда рады принять меня таким, какой я есть. Пока учусь, я не несу ответственность за реальные жизни и психику. В своей голове могу придумать все, что угодно. Покуда я вне реальности, она не может меня сломать. Мне страшно выходить в настоящий мир...

– Ты боишься входить в этот мир, а я боюсь из него уходить...

– Что?

– Серьезно думаешь, будто мне не страшно?

– Да... Ты всегда уверен в себе и на публике...

– На публике! И только. Я не боюсь внешнего – я боюсь внутреннего. Не знаю самого себя, потому что мне страшно

узнать, кто я на самом деле. На сцене у меня тысяча ролей и каждый раз разная. Живу за колдуна, за трактирщика, за лесника, но не за Доггера...

– В детстве тебя звали совсем по-другому, – задумчиво произносит Глэйз. – Раф... Как кофе. У тебя шерсть была такого же оттенка. И ты так забавно лаял, когда был щенком. Вместо "гав" – "р-р-раф". Замазал свою шерсть красным цветом, сменил имя... Что означает "Доггер" – "Собагер", "Песгер"?

– Мне хотелось чего-то забавного, простого и неоднозначного одновременно! Я сляпал это имя второпях. Как всегда, совершаю глупости и выезжаю на них. Пока я фрик, мне можно многое!

– Ты и сейчас похож на ребенка. Такой же наивный...

– Об этом не стоит.

– Прости.

Наступило молчание. Не давящее, а погружающее в глубь себя. То тихое время, когда каждый вновь закрывается в себе и своих мыслях, чтобы найти там ответы, обдумать заданные вопросы.

– Этот ирокез – твоя защита? Как иголки у ежа? – уточняет у брата Глэйз.

– Так я выгляжу куда страшнее и впечатляюще. Мне нравится быть предметом сплетен и обсуждений. Пока шумят вокруг меня, я не слышу себя.

– А знаешь... я рад, что ты рассказываешь мне об этом.

Спасибо.

– Если честно, я ведь и не знал, что тебе страшно... Думал, ты просто ботаник.

– А я думал, что ты просто дурак!

– Кто тебе сказал, что это не так?! – смеется в ответ Дог, подмигивая брату. – Ты похож на Орландо! – вдруг серьезно продолжает он.

– Мне бы не хотелось быть таким, как он... А Ты похож на Фриду. Вы оба любите внимание.

– А ты... Ты... Можешь рассказать мне про астероидов?

– Почему же я? Ведь я не астроном!

– При чем тут астроном! Ты все время тыкал на меня пальцем: "астероид, астероид"...

– Истероид!

– Я так и сказал.

– Нет, ты... Эх, ладно... Да, конечно. Расскажу.

Глава 25. Два брата

Скромная квартирка на городской окраине. Темными вечерами здесь шумит шпана, кто-то неумело бренчит на расстроенной гитаре, флегматично разучивая песни, а ночью уже жутко ходить по двору в одиночку. Ободренные подворотни с прокуренным табачным запахом, мятые жестяные банки в телефонных будках вгоняют в тоску. Промышленные трубы фабрик и заводов огнедышащими чудовищами взмывают на небо и пыhtят едким дымом, оседающим на зем-

лю сизым пеплом. В будущем Доггер, а сейчас просто маленький Раф, вернулся домой. Из душного класса и школьных коридоров – в кое-как обклеенную обоями комнатушку, где зимой в щели окон задувает простуженный ветер. Это его дом, в котором он жил со старшим братом, оканчивающим школу, и старенькой седой мамой. Раф хотел уже нажать кнопку дверного звонка, но увидел на лестнице Глэйза. Странно, сегодня у него занятия быстро закончились. Возможно, его, как и младшего брата шестиклассника, отпустили домой пораньше из-за надвигающейся на город сильной метели. Глэйз быстро поднялся на этаж, бодро прошагав вверх, и с осуждением посмотрел на Рафа. Тот опять пришел с фиолетовым синяком под глазом и разбитым носом, а за спиной на одной лямке болтался помятый ранец. Бежево-кофейная шерсть Рафа растрепана в разные стороны вихрами.

– Опять подрался? – сердито спрашивает Глэйз, примерный выпускник в выглаженной рубашке с белым воротничком и дорогих черных брюках клеш. Его черная лоснящаяся шерсть аккуратно причесана, а уши вьются мелкими кудрями.

– Угу, – недовольно бурчит в ответ брат. – Один дурак в моем классе сказал, что панк-рок – это сплошное гроыхалово. Я ответил, что его дешевая попса – вообще не музыка, а просто...

– Ладно, без подробностей. Мне все равно. Но мама тебе всыпет ремня!

– Не-а, не всыпет! Она меня любит!

– Ну-ну...

Наконец, Раф, приподнявшись на цыпочки, нажал на звонок. Из квартиры послышался требовательный гудок. Ответа не было. Щенок позвонил еще раз, но было по-прежнему тихо.

– Может, мама ушла за молоком? – с тревогой в голосе предположил Раф.

– Возможно... – неуверенно отозвался Глэйз, достав свою связку ключей. Он по-деловому начал открывать замки. Ему нравилась мысль, что мама сделала дубликаты именно для него, а Рафу ключи не доверила. Конечно, он бы потерял их в первый день!

– Мам? – осторожно спросил Раф, быстро снимая с себя теплую ватную куртку.

Он небрежно откинул ранец в угол и побежал на кухню. Там царил зловещая тишина, которую нарушало только тревожное тиканье часов. Из комнаты послышался испуганный крик старшего брата. Раф тотчас же поспешил к нему.

– Не входи! – с беспокойством в голосе запротестовал Глэйз.

– Почему?! Я все равно узнаю! – с этими словами шестиклассник с силой оттолкнул брата и прошел в комнату. Через минуту он выбежал оттуда с криком и слезами.

***

За окном мела зловещая вьюга, из-за которой отменили последние в расписании уроки. Окна заунывно скрипели, и было слышно, как воет злой холодный ветер. В щели дул зябкий сквозняк. Два брата сидели на полу друг напротив друга, глядя перед собой пустым взглядом. В глазах уже не осталось слёз, они сосредоточенно молчали.

– Почему так? – тихо спросил Раф, нарушив тишину.

– Она была немолодой...-рассудительно ответил Глэйз.

– Нет, она говорила мне про дорогу, – задумчиво продолжал шестиклассник, словно беседуя с самим собой. – Про дорогу, у которой нет конца. И что однажды мы все дойдем до той точки, откуда нет возврата.

Щенок взял листок бумаги и карандаш, в первый раз нарисовав большой череп, из чьей головы выходит длинная лента бесконечного пути.

– Замысловато, – прокомментировал старший брат.

– Поэтому она тебе и не рассказывала! Знала: до тебя не дойдет!

– Эй!

– Тоже мне выпускник!

Наступило молчание. Через несколько минут Глэйз серьезным тоном сказал:

– Тебе еще уроки делать. Как и мне...

– Я больше в школу не пойду! – строптиво ответил Раф, гордо закинув голову вверх, скрестив лапы и нахмурившись от возмущения. Так появились его первые вычурно-театральные жесты.

– Интересно, это как так? – удивился Глэйз.

– Мне там не фиг больше делать! – еще более дерзко отвечал шестиклассник.

– Ну, уж нет! Изволь окончить хотя бы восемь классов! – умничал старший.

– Сам и заканчивай свою школу, все равно учение не станешь!

– Ты должен слушаться меня! – настаивал выпускник. – И вообще... Мама говорила держаться вместе, если случится что-то плохое...

– Мама?! – неожиданно рассвирепел Раф. – Мама больше ничего не скажет! – сказал он, встав с пола и капризно топнув лапой.

– Вот как? – начал выходить из себя Глэйз. – Думаешь, я буду возиться с тобой, упрашивать?! Мне нужно окончить школу на «отлично», если я хочу поступить в медицинский! И нет времени с тобой нянчиться! Избалованный ты ребенок...

– Я ухожу! – с вызовом бросил Раф, собирая в мятый ранец свой скудный скарб, меняя учебники на кассеты с музыкой.

– К кому? К своим панкам-пьянкам? – с саркастичной улыбкой спросил выпускник. И резко добавил. – Цой умер!

Раф в первый и единственный раз больно ударил брата и, громко хлопнув дверью, ушел из дома. На улице валил сильный снег, посыпая белыми хлопьями холодную землю. Раф поднял голову к небу, прямо под ослепительный купол, сыпавший градом из крупных снежинок. По щекам потекли не то слезы, не то просто струйки таявшего снега. Любимый мамин сыночек в один миг потерял, казалось бы, всё... Всё, кроме одного. Его любимая музыка и мертвые анархисты оставались с ним, несмотря ни на что.

Братья встретятся позже, когда один станет педантичным студентом-психиатром, а другой отчаянным грубоватым панком – Доггером.

Глава 26. Фрида бьет по цели

Парадоксально, но именно будущее помогло Доггеру и Глэйзу разобраться в своем прошлом. Утром, когда исповедь братьев друг другу осталась в ночи, звонким вопросом Джейн, как не кстати, начинаются новые проблемы:

– А где наши деньги? – обратилась черная кошка в платье к собравшимся в подвале.

– Я их потратила! – дерзко вставляет, молчавшая весь вче-

рашний праздник, Фрида, которую никто не пригласил вчера на пиршество. – На чулки!

Одиночество, узкие коридоры и низкие потолки могут свести с ума. Глядя на других, на Джейн, Дога и Грея, которые объединены меж собой общей идеей, если не идеологией, культом рока, покинутость и отчужденность лошадки чувствуется особенно ярко. Да, здесь есть Орландо, но ворон же сделан из железа, разве можно ожидать от него хоть капельку сочувствия? Фрида не любит быть в стороне, если фокус в кадре сконцентрирован не на ней, то это серьезная ошибка, которую срочно нужно исправить. Идеальный вариант для того, чтобы тебя заметили: сделать что-то удивительное и прекрасное или ужасающее и отвратительное. Конечно, рыжегривая предпочтет второе. Лучше шокировать чем просто удивлять. Так она решила в одну ночь тайком выкрасть деньги, чтобы потом незаметно спустить заработанное на одну себя, прикупив самые что ни на есть дорогие черные чулочки, замеченные в витрине одного бутика. Лошадку удивила странная на ощупь ткань, сделанная как будто бы из каких-то искусственных материалов, вроде резины или синтетики. Чем-то все это напоминает и музыку, которая иногда звучит на улицах города. Что-то ненастоящее, словно выведенное искусственно, где-нибудь в лабораториях, умниками с огромными линзами на подслеповатых глазах и в стерильных одеждах. Но даже странная и не самая приятная ткань не останавливает Фриду, чтобы отложить по-

купку. Ведь не в чулках было дело. И теперь с наглой улыбкой, отчаянно демонстрируя новый элемент своего образа, ведьмочка откровенно смеется в удивленные и шокированные, перекошенные гневом морды. Единственный, кому абсолютно все равно до чулок и потраченных денег – Орландо. Механическая птица упорно ковыряется в многочисленных шестеренках машины времени, подобных тем, что составляют его тело.

– Да я в жизни не видел стервы похлеще тебя! Убирайся прочь! – рывкает Грей, гремя от возмущения золотыми колечками на цепочке.

– Хорошо, убираюсь! – неожиданно соглашается Фрида.

Лошадка вскакивает со своего места и резким движением хватает ворона за крыло, пытаясь утащить его вслед за собой. Своеобразная насмешка и месть. Без Орландо компания ни за что не сможет починить машину времени, застряв здесь надолго! Ученый поддается, словно тряпичная кукла, и послушно исчезает вместе с Фридой. Трудно сказать, почему он в столь радикальной ситуации не проявил свой холодный нрав, легко поддавшись рыжей ведьме. Возможно, он просто не успел разобраться что к чему, или Орландо и сам не против отдохнуть, переключившись от машины на что-то поинтереснее. Как бы то ни было, Доггер, Грей и Джейн остаются в подвале один на один с собой и грудой металла – их единственной надеждой на возвращение домой.

Глава 27. А в это время в "Black cat" или Черничкин де-

каданс

Когда Реджина, по-деловому шустрая и умелая в ведении дел пума в черной кожаной куртке, взяла на себя руководство пабом "Black cat", она понимала на какой риск идет. Это дельце было посерьезнее, чем открытие милой пекарни или уютного кафе. Потому что в пабе выступали и жили рокеры, которые считали себя полноправными хозяевами как сцены, так и всего "Black cat". Многие из музыкантов беспечно сообщали об опоздании на свои концерты, потому что, вдруг, кто-то из фанатов предложил покататься вместе по ночному городу на байке. Если Реджина слышит рев мотора за окном своего кабинета, то сразу же начинает готовиться к неприятностям: либо они только едут к ней, либо уезжают, оставляя целый ворох проблем за собой. Как организовать тех, кто из принципов не хочет организовываться? Пожалуй, единственный спасательный круг, удерживающий ее на плаву все это время – Джейн. Рассудительная, строгая к себе и окружающим кошечка никогда не позволяет себе выходок, вроде, резкого исчезновения в разгар выступления. Она любит свою гитару больше мотоцикла. И сорвать концерт, значит, изменить своему идолу – музыке. Иногда гитару за ее плечами по ошибке принимают за крылья – настолько одухотворенный вид в этот момент у Джейн.

Как только до ушей Реджины доходит новость о том, что резко и, как казалось, беспричинно пропали две звезды на небосклоне рок-сцены: Грей и Доггер – пума даже не удиви-

лась, а просто пожала плечами в знак своей непричастности к этому делу. Что она может изменить? Ничего. Чему удивляться? Может быть, это какой-то очередной протест, а рокеры не упускают возможности выразить свое несогласие с обществом при любом неудобном для Реджины случае. Дог и вовсе готов на любой бунт, даже ради одного-лишь только факта бунта. Само имя этого пса равнозначно для нее какому-то беспорядку. "Доггер – бессмысленный и беспощадный"¹⁶ – часто повторяет Реджина. Но у нее, как всегда, все под контролем. Сейчас она поменяет афиши и вместо панк-рока сегодня будет выть и завывать гитара Джейн, да так что черная кошечка в очередной раз сотрёт себе подушечки лап о тонкие музыкальные струны. Но... Что-то идет не так. Реджина с ужасом узнает, что гитаристка пропала в тот же день. В городе бродят жуткие слухи, если раньше пума упорно им не верила, то сейчас ее мужественное сердце с трепетом сжимается от волнения. Джейн бы никогда не бросила паб просто так, безо всякой причины. Есть такие существа, которым некуда больше пойти, кроме как в глубь себя самих – Джейн тому пример. Реджина раздражённо и глухо рычит, подобно ее диким предкам на охоте. "Давно нужно было уходить из этого места, давно!" – озлоблено и нервно твердит себе кошка в мыслях. Сколько раз, благополучно переступая порог пивнушки, она клялась себе не заходить туда

---

¹⁶ Перефразированный А. С. Пушкин: «Не приведи бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный».

снова?! И каждый раз Реджина возвращается снова, как настоящая царица и королева паба. Ей почему-то нравится это странное место для бунтарских умов. Официанток уважают и любят за их труд, а ее, владельца и управляющего, обычно просто снисходительно и невнятно благодарят. Анархисты бы с радостью позволили Реджине не возвращаться, ведь она со своей организованностью встает для них лишь преградой на пути к светлому будущему, в котором не будет ни начальников, ни управляющих. Пума обычно сочувственно кивает в ответ на такие утопические рассуждения. Анархисты, как дети, создают себя сказку, в которые хотят верить, и не Реджине ее рушить. Без нее паб рано или поздно развалится. А ей почему-то не хочется, чтобы это место перестало существовать, оставшись лишь в памяти бунтарей, анархистов и авангардистов-художников. Так Реджина работает уже несколько лет. Довольно нервных, но зато отчаянных и веселых лет, где каждый день, как коробочка с сюрпризом.

Спасение приходит оттуда, откуда пума и не ждет, да и не думает ждать. В ее кабинет кто-то робко стучит. Дверь открывается, в проеме появляется черно-белая голова Чернички. Обычно кролик выступает в роли второго хвостика к Доггеру, его аксессуаром и атрибутом в комплекте. Робкий, незаметный – почему он вдруг вышел из тени и пришел?.. Он робко поглядывает на пуму, его поэтически-мечтательные глаза испуганно осматривают кабинет начальницы паба.

– Добрый день, Реджина, – неуверенно начинает кролик.

– Здравствуйте, – резко отрезает хищная кошка.

– Меня зовут Черничка. Я часто помогаю Доггеру с сочинением песен.

– Вы его ассистент?

– Подмастерье... – печально отвечает лирик.

– Вы хотели что-то сообщить мне о Доггере?

– Да! То есть... Нет... Не совсем. Дог больше не с нами, поэтому я решил, что было бы неплохо... – с волнением и дрожью в голосе пытается сказать Черничка, но слова, как нарочно, разбегаются в голове и выходят наружу несуразительней.

– Как?! Уже не с нами?! – пугается Реджина, сразу начиная мысленно подыскивать панку замену. Ранняя смерть – привычное дело для любого рокера, а Дог никогда не щадил себя, оказываясь на сцене. Куда важнее организовать жизни тех, кто еще дышит и хочет от жизни драйва, а не оплакивать еще одну жертву, павшую на пути творческого саморазрушения.

– Ужас! Как я могу так неосторожно раскидываться словами? Все-таки слово – страшное оружие. Мне кажется, его, подобно кинжалу или мечу, стоит давать не каждому. Называйся после этого "поэтом"! Прошу прощения. Я всего лишь хотел сказать, что Доггер сейчас временно отсутствует. Впрочем, в этом месте витает какая-то особая аура его присутствия и сопутствующего задора! Возможно, сейчас он ушел на поиски вдохновения... Так бывает со всеми твор-

ческими личностями. Непостоянство – их свойство. Вот, например, я неделю назад восхищался невероятно хрупкой и ненужной девушкой Офелией, но она рассыпалась, как ветхий скелет, а сейчас мне по сердцу пришлась блистательная Кларабелль... – голос кролика крепчает. Невысказанные и накопившиеся за время одиночества слова льются теперь сами по себе, запутывая Реджину.

– Что Вы хотели? – кошка резко обрывает поток неуместных и лишних фраз.

– Прошу прощения... С тех пор, как ушел Глэйз и Дог мне не с кем поговорить. Я живу, подобно отшельнику в горах, принесшему обет молчания. Кларабелль все больше молчит... А мне так хочется высказать свою душу!

– Может быть, Вас с удовольствием выслушает кто-то еще? Я совсем не поэт, не могу быть для Вас интересным собеседником, – тактично и вежливо уклоняется от навязчивого лирика Реджина. Ее голова начинает болеть от наваливающихся комом проблем, в виске неприятно стучит, череп словно изнутри разрывает лавина негативных мыслей. Она смахивает нависшую над глазом челку, пытаясь дослушать своего незваного гостя.

– Я пришел к Вам, как к директору. Концерт Доггера в любом случае придется отменить. Не думаю, что он успеет вернуться к его началу. Может быть, я могу помочь?

– Каким образом?

– Предлагаю устроить вечер поэзии. Я прекрасно читаю

стихотворения Вертинского. В гримёрке висит балахон черного цвета, из него легко сшить костюм грустного Пьеро, помпоны для него возьмем из реквизита, в крайнем случае, сделаю из ниток. А грим наведу у себя дома. Гуталином, например.

– Пойдите, Черничка! У нас здесь рок-клуб, а Вы с Вертинским и каким-то Пьеро... Вот гуталин – ближе к теме, да и то, знаете, под вопросом.

– Разве песня не имеет ничего общего с поэзией?

– Черничка, Вы, видимо, плохо знаете публику... Я устала! – отчаянно роняет Реджина, подпирая лапой разболевшуюся голову.

– Отнюдь! Прошу прощения, но художники, писатели и поэты – они ведь тоже анархисты!

– У меня нет выбора, – устало соглашается хозяйка паба. – Придется довериться Вам. Но учтите – если что-то пойдет не по плану, разъярённую толпу будете сами успокаивать.

– Хорошо. Разумеется.

– Ладно, я поменяю афишу и поставлю Вас, Черничка, вместо Доггера. Значит, Вертинский и гуталин?

– Нет, про гуталин не стоит – это просто издержки профессии. Лучше про Пьеро напишите. Дог у нас местный шут и арлекин, а я выступлю его антиподом.

– Это уже с идеей. Но на самом деле, Вам просто повезло, что я в отчаянии... Надо видеть, как неотесанные бунтари и панки, металлисты и анархисты, будут сидеть и с томным

взглядом слушать поэзию первой половины XX века...

– В каждом живет эстет. Я уверен. А Вертинский, он, тоже всегда выступал против фальши. Обещаю: все будет красиво, элегантно, утонченно и в традициях лучшего декаданса.

Глава 28. Долгожданный дождь

– Орландо, а дружба важна для живого существа? – серьезно спрашивает Фрида.

Ведьмочке удалось обратить на себя внимание. Остается только догадываться, какая смута и отчаяние охватывает сейчас подвальчик. Рыжегривая буквально вытащила Орландо из душной атмосферы на воздух. Впрочем, здесь он тоже далеко не свежий. В воздухе угадываются едкие нотки удушливых химикатов. Фрида смотрит на ученого, пытаюсь угадать его эмоции. Он спокоен, впрочем, даже равнодушен. Отсутствие эмоций пугает больше, чем проявление даже самой страшной из них. Невольно лошадка вспоминает о... Дашке. Вот уж новость, ни за чтобы дерзкая ведьма не поверила в то, что будет с удовольствием вспоминать добродушного, наивного и открытого каждому пегаса. Фрида не любит огонь несмотря на то, что ее грива всегда горит рыжим пламенем, а в глазах сверкают искры. Но в случае с Дашкой возникает чувство, будто греешься у не обжигающего и безопасного, уютного, тихого костерка посреди мрачного леса. Вспоминает ли пегас о Фриде? Рыжей хотелось, чтобы это было так... С ужасом ведьмочка понимает, что скучает. Ужас – она привязалась к простоватой провинциалке... с добрым

сердцем.

В ответ Орландо совершенно равнодушно и отстранённо смотрит немигающим взглядом на Фриду. По его железной маске трудно догадаться, о чем же он думает в этот момент. А не думать этот ворон не может. Не дожидаясь ответа – он бы сразу же развернулся в долгий и нудный монолог-рассуждение – Фрида неожиданно добавляет:

– У нас больше общего, чем ты можешь подумать, Орли.

Орландо нервным движением реагирует на непривычную ему форму собственного имени.

– Я же знаю, кем ты был, – загадочно добавляет рыжегривая. – Хорошо, что мы встретились сейчас, а не тогда, правда? Я знаю, какого это быть человеком...

Ученый вздрагивает уже более явно и нервно. Шестеренки начинают крутиться быстрее.

– Тебе все равно кем быть, – находится с ответом механическая птица. – Ты хорошо умеешь приспосабливаться. Не такая, как они, но искусно притворяешься. Куда ни посади – везде хорошо! Как сорняк...

– Обидно! – полушутливо отозвалась пони.

– Я теперь тоже хорошо умею приспосабливаться, – оканчивает свою мысль Орландо.

На улицу высыпали современные обитатели нового и, как

казалось, чудесного города светлого будущего. Все подняли головы вверх, словно ожидая с неба чудо. Все выглядят напряженно, взволнованно, как перед встречей с кем-то или чем-то великим. Костюмы блестят на солнце, белые блики скользят по черным и разноцветным тканям из синтетического волокна. С того самого момента, как гости из прошлого приземлились здесь, солнце светит непрерывно, осушая те немногие зеленые газоны из живых травинок с хлорофиллом, что еще не успели заменить на искусственное покрытие. Поднятые вверх головы обращены к небу, словно стремясь вознести ему похвалу и жертву в обмен на долгожданное чудо, ради которого все здесь и собрались. Фрида заинтересовано смотрит на собравшуюся толпу зевак, пытаюсь угадать, что же грянет с неба с минуту на минуту... Резкие порывы злого ветра приносят своим дыханием огромные скученные тучи, отливающие свинцом, в миг закрывающие собой солнечный диск, устраивая полумрак гораздо раньше, чем успела наступить ночь. На землю обрушивается непогода. Зловещая гроза, как маленький конец света, бушует. Над крышами домов, то и дело, вспыхивает ослепительный отблеск молний, слышны раскаты грома. Гром – усмешка, молния – оскаленная улыбка! Дождь серыми тяжелыми каплями бежит с неба быстро-быстро, как титры в конце фильма. А разношерстные жители городка с благодатной улыбкой смотрят на тучи, грозу и ливень, радуясь, как дети. Кстати, те, что помладше с радостью и визгом пытаются поймать на язык кап-

ли, впитать в себя как можно больше дождя, с радостью скачут по лужам юные зверята. Редко выпадают дни, когда ярко-желтое светило устает, уступая место снеговым и дождевым тучам. Ученые во все времена не умели останавливаться на достигнутом результате. Настал тот век, когда они зашли слишком далеко, запустив в небо специальный химический барьер, блокирующий негативные погодные условия, разгоняющий облака и рассеивающий на Землю лишь жаркие лучи. Получился своеобразный небесно-космический контрольно-пропускной пункт. Зима без снега, осень без ливней и весна без гроз – таковы нынешние реалии. Любые осадки воспринимаются, как великое чудо. Лето сливается с осенью и зимой, ведь теперь оно царит круглый год! Июль длиною в год! Фрида с удивлением и непониманием смотрит на ликующую толпу. С ее зеленых глаз начинает черным ручьем стекать тушь, ресницы блекнут, помада размазывается.

– Орландо, нужно спрятаться! – в ужасе кричит ведьмочка своему другу.

Ворон знает это и без нее. В его хрупкие механизмы проникает нежелательная влага. Даже одна капля может вызвать неполадки. Что такое океан, если не скопище таких мелких капелек, из которых потом складываются большие неприятности? Ученый несется на своем колесе в сторону беседки, поставленной для того, чтобы жители в своем бешеном и стремительном ритме жизни могли присесть, взять паузу и отдохнуть. Судя по безупречно белым скамейкам внутри и

чистому полу, желающих не так много. Орландо оглядывается на Фриду. Ее мордочка освещается вспышками белой молнии, глаза с подтеками от туши полны испуга и надежды на то, что ворон знает, где можно переждать непогоду. Сейчас она доверяет ему, ожидая помощи. Механическая птица с неудовольствием отмечает про себя: он обернулся на Фриду с надеждой на то, что лошадка следует за ним. Раньше ему было все равно до этой выскочки, как и до любого другого живого существа, а теперь он неосознанно оборачивается и даже берет ее за копыто, чтобы провести за собой, спасая от разбушевавшейся стихии не только себя, но и лошадку. Так поступают... друзья? И к чему она несколько минут назад спрашивала его про дружбу?.. Рыжая челка Фриды непослушно сползает на зеленые глаза. В беседке она уже не боится, а звонко смеется, обнажая белые клыки в пасти.

– Ох, Орли... Эта внезапная гроза! Ну и вид у меня сейчас! Ха-ха-ха! Спасибо, кстати, что отвел нас сюда. Что-то я потеряла бдительность и этот ливень, эти безумцы, что пляшут под дождем, выбили меня из седла... ха-ха! Из седла, да! – рыжегривая хохочет, дружески похлопывая птицу по железному крылу. Орландо невольно улыбается. Не перекошенной ухмылкой, не саркастическим издевательским оскалом, а доброй улыбкой. Ни он, ни Фрида не узнают себя сегодня в своих эмоциях.

– Дядя! Тетя! – радостно кричит кто-то двум пришельцам из прошлого. – Привет! Почему вы не прыгаете со мной по

лужам?

Это один маленький озорной жеребенок в желтом резино-вом комбинезоне, что вместе со всеми радуется дождю. Малышу не понять: как можно укрываться от ливня? От солнца – да. Оно всем надоело и иссушило каждого. Но дождь... Совсем другое дело! Дождь они рисуют в школах на уроках ИЗО, читают про него в книгах, представляя его в своем во-ображении и, наконец, с трепетом ждут, когда же он про-льется на их головы. С кончиков гривы жеребенка капаят капельки, но ему весело.

– Потому что мы уже старые! – с резвым смехом отвечает Фрида первую глупость, пришедшую ей на ум. – Очень ста-рые, чтобы прыгать!

– Вода негативно сказывается на работе моего сложноор-ганизованного механизма, а это ведет за собой негативные последствия самого нежелательного характера – вторит во-рон.

Жеребенок на минуту задумывается, поджимает нижнюю губу и, наконец, выдает:

– Очень скучно быть старым и железным!

С этими словами юнец унесся восвояси, оставив скучных взрослых. Фрида вновь громко хохочет над словами жере-бенка. Дождь неожиданно принес радость. Даже у Орландо что-то отзывается на этот беззаботный смех, веселье на фо-не грозы.

Глава 29. И смылся грим

– Привязанность – это плохо, а? Орли? – спрашивает у ворона пони.

Они так и остались в тот день в беседке, где прятались от страшной грозы, длившейся не более часа. Им, двум гостям из далекого прошлого, которые и сами забыли о том, где и когда начинается их история, некуда пойти в этом мире. Орландо был прав: Фрида, действительно, хорошо умеет приспособливаться, она притворяется даже тогда, когда совсем не похожа на тех, кто вокруг нее. И она единственная из всей компании, кто не высказал ничего плохого про город, про целый новый мир, где они оказались. Ворон, бывший чумный доктор, лошадка, бывшая рыжеволосая ведьма, два врага в прошлом, могут пойти куда угодно вместе в будущем. Дело в том, что идти им некуда. Как смешно и странно! Ученому кажется порой, что эти зеленые глаза он видел в той, прошлой жизни, и теперь они здесь, чтобы отомстить. Орландо каждый раз радуется, что в новом механическом теле он может не спать и не видеть кошмаров, в которых бы его терзал этот дьявольский взгляд. А эта ее манера называть его «Орли», как кого-то маленького несмышлёного птенца просто выводит ученого из себя. Но изобретатель позволяет себе ругаться только в своих мыслях. В слух он сухо отвечает:

– Да, плохо. Привязанности – это твои слабости, уязвимые места. Неужели сама об этом не догадываешься?

– Догадываюсь. Но...все чаще я думаю о том, что это не так уж и плохо: привязаться к кому-то...подружиться...–

смушенно признается ведьмочка.

– Что? Подружиться? – Орландо не может сдержать искреннее удивление. – Что за слова из книжечки для детей? Я был о тебе лучшего мнения, ведьма.

– Вообще-то меня зовут Фрида.

– Сама же говорила, что от своего прошлого никогда не отрекаешься. Значит, соврала?

– Все ведьмы лукавые! – Огрызается и злится пристыженная лошадка. – Знаешь ли, мне хочется быть Фридой. Просто Фридой!

– В новых чулочках... – саркастично замечает ученый.

Фрида обиженно замолкает. Только в ней пробуждается светлый порыв к добру, вспыхнув, как рыжее пламя на восковой свече, как его гасит серебряный колпак усмешек Орландо. Проще быть такой же эгоистичной и злой. Такое поведение от нее теперь все ждут. Все, кроме Дашки... Но ее здесь нет.

– Я ухожу, – неожиданно бросает Орландо. – Мне нужно вернуться в подвал. Там еще остались картины. У меня на них серьезные планы... Ты не пойдешь домой?

– Подвал – не мой дом, – непривычно честно и искренно говорит ведьмочка. – И твой фургон – не мой дом. Я не знаю, где мой дом... Зачем ты меня вызвал тогда? Чтобы я опять мучалась? Я устала от этой бесконечной череды разных жизней, где каждый раз приходится играть одни и те же роли.

– Во-первых, то, что я тебя вызвал – воля случая, не более

того. *Omnino temere*, то есть совершенно случайно. Я ожидал чего-то или кого-то другого. Между прочим, я тоже могу спросить у тебя: почему ты пришла тогда? Чтобы я опять мучился? А во-вторых...Фрида? Ты меня слушаешь или я разговариваю с глухой стеной и абсолютным вакуумом?

Лошадка отвернулась от ворона, не в силах больше смотреть на его немигающий взгляд, на его абсолютно равнодушные и одинаковые ко всему эмоции, да и ледяной голос механической птицы ей надоел. Вчера, когда они бежали под дождем в беседку, ей казалось, что они что-то вроде приятелей, она почувствовала единства душ, какое было только с Дашкой.

– Иди в подвал... – обреченно отвечает лошадка ворону. – Иди к этим...Как их? Дог, Грейз, Лрэй, Джей... Они все друг про друга поняли и узнали. Почини машину. Почини! – срывается вместе с истерическим вскриком последнее слово.

Орландо покорно уходит, но прежде чем преступить к машине времени и взяться за отвертку, гаечный ключ, болты и винты, оголенные провода и искрящиеся шнуры, он исполнит свою давнюю мечту, чтобы хоть кто-то в этом месте, хоть на пару минут, оказался счастливым.

Глава 30. Кто видел Икара?

Орландо стоит на краю крыши огромной, длинной многоэтажки, чей взвинченный в небо фасад утыкан маленькими светящимися отверстиями – окнами. Несмотря на то,

что сейчас день и необходимости в свете электрических лампочек нет, квартиры все равно сверкают от иллюминации огоньков на дисплее роботов, что без передышки поддерживают чистоту домашней мебели, белизну стен. Средневековый врач расправляет погнувшиеся в некоторых местах от подвальной сырости холсты. Перед глазами вновь проносятся не дающие покоя картинки воспоминаний из старого, пахнущего ароматическими целебными травами и гнилыми трупами, прошлого. Особенно ярко всплывает тот момент, когда Орlando, еще молодой доктор, взялся за инструменты и накопленные за год механизмы, отлитые им вручную, чтобы перестроить свое собственное тело.

Колесо, на которое крепится все механическое тело птицы, покачивается из стороны в сторону, как колеблется уверенность Орlando в себе. Может быть, хоть на пару минут, но получится? Ради этого не жалко разбиться вдребезги! Он много читал про эти ощущения, исчертил в схемах ни одно полотно бумаги и источил ни один уголь, осыпавшийся черным пеплом на лист. Пришло время самому прикоснуться к тайне, исполнить мечту, преследующую еще с древних времен, когда только-только появилась мысль и за ней мечта. Орlando пытается удержаться железными крыльями за подрамник, но они предательски соскальзывают. Потратив на это несколько минут, ученому все же удастся выбрать правильное положение. Шестеренки исправно вращаются как надо. У ворона такое чувство, будто машинное масло, тягу-

чей смолистой черной каплей хочет вырваться наружу из глаза. Он ни раз видел, как плачут другие живые существа. Ему это всегда казалось чем-то неприятным – любое проявление слабости тела и души раздражало его во все времена. Орландо стремится к недостигаемому идеалу, хочет стать лучшим из ныне живущим, стать первым среди последних, а для этого, по его мнению, нужна холодность и сдержанность, равнодушие. И никаких слез. Но на крышу приземляется черный стукот, некрасивым пятном растекшийся по поверхности. Брызг машинного масла затрагивает и механическое крыло, поблескивая на нем в лучах солнца. Орландо сердито смахивает с себя это случайное недоразумение. Все должно быть идеально. Птица аккуратно подъезжает к самому краю крыши, крепко сжимая над собой холст, разукрашенный яркими цветами и причудливыми формами, пока еще не описанными в геометрии. Всего один шаг отделяет ворона от мечты. Внизу – пропасть, наверху – бездна, а по середине Орландо. Ученый доверяется всей своей железной конструкцией воле ветра и силе сопротивления воздуха. «*Andacem fortuna juvat*¹⁷» – успевает подумать механическая птица.

Если случайный прохожий поднял бы голову к небу, то увидел бы там не только причудливые спирали высоток, но и странную летящую точку бронзового цвета. Орландо летит над городом, подобно древнегреческому Икару, но вместо крыльев, скрепленных воском, у него холст, расписан-

---

¹⁷ Смелым судьба помогает

ный абстракцией современного художника. Мечта безумного ученого сбывается! Он летит, наконец-то победив суждение о том, что «рожденный ползать летать не может». Двигаясь по ступеням эволюции неуклонно вверх, Орландо приспособил свое тело к полетам. Тянущее к земле колесо болтается балластом под лапами. Цилиндр не срывают потоки воздуха, ведь железный головной убор крепко припаян к голове, лишь остановившееся стрелки часов на шляпе нервно подрагивают от сильного ветра. Современные жители теперь кажутся ничтожно маленькими. Орландо их презирает, теперь у него еще больше причин для этого. Они прикованы к земле, а он больше – нет. Его товарищи по несчастью и во все где-то почти под землей, щурят глаза, как слепые кроты, стоит им только покинуть подвал, а Орландо почти у самого солнца. Впрочем, жаль, что ни Глэйз, ни Фрида не могут разделить с ученым его счастья. Наверное, черному псу тоже бы понравилось летать. У Фриды хоть метла есть. Когда у Дога был день рождения, все поздравляли его и радовались вместе с ним празднику, а за Орландо, у которого практически случилось очередное перерождение, некому порадоваться, никто не поздравит его с успехом. Даже рыжегривую лошадку он от себя прогнал. Радостное ликование собой сменяется тоскливой мыслью: «И в небе я один, и на земле один». Средневековый ученый моментально теряет управление. Неверный наклон головы – механическое тело заболталось в воздухе, подобно развивающемуся при шторме флагу.

В закрывающие глаза линзы врезаются мелкие мошки. Значит, Орландо снижается. Стекло́нная линза с треском лопа́ется от силы холодного наверху воздуха и резкого падения. Колючие осколки летят на землю, как отголоски разбившейся мечты. И последним аккордом становится грохот громко ударившегося о землю механического тела птицы, сразу же накрывшегося холстом.

– Это моя картина? – спрашивает кто-то рядом с вороном.

Под холстом видны только шестеренки, слетевшие с крыльев и тела Орландо. Художник, кот в желтом комбинезоне и малиновом берете, забирает картину себе, с любопытством осматривает полотно, словно рисунок принадлежит чужой кисти.

– Ой...Что такое? – удивленно спрашивает абстракционист, увидев потерпевшего крушение ворона.

Пушистые лапки неуверенно подбирают с земли одну детальку, выпавшую из системы шестеренку. Поверженной жертвой механический ворон лежит на земле, словно его тело проткнули смертоносной стрелой. Искусственный глаз без линзы бешено дергается, как у умирающего на смертном одре. Ученый, минуту назад паривший под голубым куполом, неуклюже раскинулся на земле. Жалкий кусок железа. Художник осторожно пытается восстановить поврежденную целостность. У него дома полным-полно роботов, которые время от времени ломаются, и кот вскрывает их, чтобы терпеливо соединить отошедшие от механической головы про-

вода. Шестеренки выглядят такими...устаревшими, но, по сути, и внутри электронных помощников умного дома тоже самое. Наконец, все детали встают на место. Художник запускает взмахом лапы механизм. Орландо постепенно оживает, его глаз перестает судорожно сжиматься, он лишь удивленно осматривает.

– Я летал! – с восторгом вспоминает он.

– Нет, – отвечает абстракционист. – Вы лежали на земле. И спасибо, что нашли мою картину. Я посмотрел на нее свежим взглядом. Она очень даже хороша! И почему я ее выбросил?

– Я летал на твоей картине, – упорствует ворон. – Будь смелым, художник, сохрани ее! Она побывала на небе.

Художник лишь смеется в ответ. Однако картину не выкинет.

Глава 31. Дружба – это чума

Орландо вкатывается на колесе в подвальчик к своим товарищам по несчастью. Если он расскажет им о своем полете на картине, то ему никто не поверит. В лучшем случае промолчат, а в худшем – высмеют. Но все не так уж плохо. У ворона теперь есть своя тайна, еще один маленький секрет, пополнение в коллекции скелетов в шкафу. Он не будет не с кем делиться своим приключением из одного только принципа. Это его маленькое сокровище, которое принадлежит ему одному. Так ученый может возвращаться в мыслях не

только к мрачным средневековым сюжетам своей жизни, но и к приятному припоминанию полета. Все-таки он победил природу, хоть на несколько минут, но победил! Его мысли, увы, все еще не совершенны и способны отвлекать от дела. Так мелкое перышко, влетевшее в механизм, способно разрушить всю систему.

– А Фрида машину времени починила! – довольным и радостным тоном сообщает Доггер.

– Фрида? Починила? – искренне удивляется механический ворон доброму поступку ведьмы. В ее копытах сосредоточена магия и власть. Странно, что только сейчас она догадалась использовать ее на что-то действительно стоящее. – Ведьмы приходят с благими намерениями! Absit omen! Да не послужит это дурной приметой!

Лошадка довольно потирает копыта, полная гордости за саму себя. Ее хитрые глаза с вызовом посматривают на Орландо. Она не выказывает ни тени прошлой обиды.

– C'est dans la roche¹⁸! – самодовольно вскрикивает пони, поглаживая свою роскошную пышную рыжую гриву. – Кажется, все уже извлекли из будущего уроки, пора бы теперь и домой.

– Домой... – как-то грустно роняет Дог. – Конечно, домой, но прежде...

Пес стремительно выбегает на улицу. Еще раз пропускает сквозь себя душный и спертый воздух, преследующий по-

---

¹⁸ Дело в шляпе (фр.)

всюду. Хочется верить, что он больше никогда не будет слышать этот запах. Если бы здесь сейчас были гитары, рокер бы худо-бедно набрал аккорды, залез на импровизационную пирамиду из холстов, соорудив подиум, и спел бы угрюмым современным жителям что-нибудь в стиле настоящего рок-н-ролла. Но у него есть только свой собственный голос – и больше ничего.

– Все те, кого я обманул! – гласом вопиющего в пустыне звучит призыв. – Все те, кто покупали в метро пятновыводитель! Простите! Я поклялся себе больше не выступать на сцене, но что мне делать, если не петь – я не знаю! Возьмите кто-нибудь с моей души камень вины... Неужели я так виноват перед вами, что не заслуживаю прощения?..

В голосе звучат нотки отчаяния, подрывающие уверенность. Дог готов расплакаться от безысходности. В один миг он окончательно потерял всего себя второй раз за всю свою жизнь. Сначала это произошло с ним в подростковом возрасте, но на помощь пришел панк-рок и сцена. Теперь ему не за что зацепиться, не от кого ждать спасательный круг во время разбушевавшегося шторма. Пес теряется в пустыне отчаяния, зыбучие пески тоски затягивают его, а мираж надежды медленно пропадает. В глазах темнеет от застилающих взгляд слез. Дог беспомощно хлюпает носом, как обиженный щенок. Его никто не слушает, все равнодушно проходят мимо, в то время как на их глазах погибает живое существо. Со временем здесь научились не реагировать на чу-

жие несчастья, закрывшись внутри собственных клетушек из проблем. Не об этом ли мечтает Орландо? Они не равнодушны. Если бы кто-то из толпы увидел такое чистосердечное раскаяние не сейчас, в живую, а в виде ролика или клипа в Сети, то, безусловно, посочувствовал бы несчастному, а особо сентиментальные не поскупились бы на слезу. Но все, к сожалению, реально.

– Эй, ты... С гребнем на голове... Ты все-таки умеешь привлекать внимание... – звучит над ухом знакомый резковатый голос. Кто-то кладет на плечо Дога мягкую лапу с короткими, но остренькими коготками. Панк испуганно оборачивается. Перед ним стоит призрак былой дружбы. Неон плутовато улыбается кривой усмешкой, но единственный глаз полон доброты. Доггер и не подозревал, что во взгляде хорька может быть столько тепла.

– Ты все-таки умеешь привлекать внимание, брат, – повторяет Неон. – Я хотел свалить, заботливо упаковал все денежки в чемодан и собрался бежать в другой город на поиски...новой сделки. Но, представляешь, поезд отменили! Я сразу вспомнил о тебе, брат. Идиотизм какой-то, но подумал, что это ты меня проклял, поэтому я уехать не могу. Как там эта еретическая чепуха-то называется? Карма что ли? Не перебивай! Так вот, я вспомнил о тебе и пошел к себе домой. Но тут ты стоишь и что-то стонешь. Пришлось остановиться.

– С вами все в порядке, ребят? – спросил один из суетящихся в толпе лис в чьем портфельчике лежал ноутбук с

отчетами и докладами. Похоже, Неон прав, и Дог все-таки смог привлечь внимание, несмотря на общее настроение деловой занятости и спешки, царящее в толпе. За лисом выстроилась целая очередь обеспокоенных граждан, наперебой пытающихся выяснить: в чем же дело?

– Все окей, – спокойно заверяет собравшихся хорек. – Просто мы тут заболели малость новой разновидностью чумы. Называется «дружба». Распространяется быстро, передается стремительно от одного к другому и поражает, прежде всего, мозг.

– Дружба – это чума?! – не то с восторгом, не то с испугом переспрашивает Доггер, в чьих глазах еще стоят слезы, но морда преображается радостной улыбкой. Он все еще плохо понимает, что происходит, но судя по тону Неона, по его глазам (а для Дога оба они всегда были целы) что-то хорошее.

Толпа озадаченно пожимает плечами и, подобно медленно уходящей волне, отливу, смывающего следы на песке и уходящему в бурные воды моря, схлынула от двух мирившихся друзей.

– Слушай, брат, – живо начинает хитрый хорек, – давай опять продавать? На этот раз по-честному. Слово даю! Я знаю одного персонажа у него товар – просто бомба! Документики, справочки – все как полагается, на месте. А ты у нас опять звезда маркетинга! Ну, хочешь же?

– Ничего я не хочу, – обиженно отмахивается пес.

– Что за дела? Разве мы не помирились?

– А я извинений не слышал! Хотя и не глухой еще!

– Оке-е-ей... Прости, – неохотно бубнит Неон.

– За что? – упрямится Дог.

– Что обманул и кинул.

– А теперь все вместе скажи.

– Ты начинаешь язвить, а это значит, что уже не сердись-ся!

– Хм!

– Ладно... П... П... Пр... Просто поговорить пришел!

– Чего?! Ну и катись колбаской по Малой Спасской!

– Прости, что обманул и кинул!

– Прощаю! Я повлиял на тебя, как и на всех живых существ, встречающихся со мной. В тебе что-то переменялось.

– Ну, а продавать будем?

– Нет. Мне домой пора. Наверное... Я не знаю!

– Да все ты знаешь, – неожиданно серьезно говорит хоре. – Тебе домой нужно. На сцену.

– Думаешь, можно?

– Нужно. Задыхайся от угара сценического, играй роли, ломай комедию, а публика пусть отбивает лапы от аплодисментов... Теперь спой мне.

– Как петь-то? Микрофона нет, гитар нет, барабанов нет.

– Ты и без микрофона орёшь. Спой для меня и для *них*.

Все, что произошло дальше Доггер плохо помнит. Только ему показалось, что где-то вдалеке барабан начал отбивать ритм, а над ухом зазвенела гитара, у которой лопнула одна

струна. И все вопят: «Хой! Хой», а сам он поет что-то дворовое, озорное и очень веселое. И в песне что-то про друзей, соловьев и пивные ларьки.

Часть 3

Глава 32. Огненное шоу со спецэффектами

С того момента, как Глэйз, Доггер, Джейн, Грей, Орландо и Фрида прибыли на машине времени к себе домой, прошло лишь пару дней. Глэйз и Дог уходили врагами, а вернулись братьями. Джейн была завистницей, а стала верной подружкой. Грей... Пожалуй, он мало изменился, однако Джейн отмечает, что песни его стали более серьезными и прошло навязчивое желание кидаться в публику пустыми пафосными лозунгами. Но история на этом не заканчивается.

Фрида обеспокоенно ходит взад-вперед, ее копыта глухо стучат по деревянному полу в фургоне средневекового учебного. Орландо что-то сосредоточенно пишет, а злосчастная машина времени, как забытая и больше ненужная игрушка, отставлена в угол.

– Орландо! – истерично вскрикивает Фрида. Что нам теперь делать? Дог, Глейз, Джейн – эти зверюшки передружились, а я?!

– Иди и ищи себе друзей, если хочешь. Я сам себе и друг, и враг. *In me omnis spes mihi est*¹⁹.

---

¹⁹ Вся моя надежда на себя самого (лат.)

– Ведьмам не положено дружить... Но мне очень хочется!

– Кто тебе не дает? – равнодушно говорит ворон, не отрываясь от записей.

– Зло! Мое злое начало! Меня разрывают противоречия! Ты врач, а даже мне помочь не можешь... Или не хочешь... – со вздохом кончает лошадка.

– Не трать силы на поиски лекарства, от той болезни, которой нет.

Вдруг, глаза лошадки резко вспыхивают зеленым пламенем.

– Идея, мой пернатый ami! Орли, это идея! Сегодня вечером, когда солнце будет садиться, неси на главную площадь города дрова, да побольше! Руби лес, обрывай сучки и ветки! – с нездоровой и неестественной радостью в голосе кричит огненнорыжая.

– Я в город не хожу.

– А сегодня пойдешь, – повелительным тоном приказывает Фрида.

– На меня не действует твоя магия, ведьма, у меня нет души.

– Мне не обязательно нужны волшебные силы, чтобы убеждать, – ледяным тоном отвечает алогубая бестия. Она грубо поворачивает голову Орландо на себя и резким движением заставляет стрелки часов на цилиндре птицы бешено вращаться. – Ты пойдешь в город и принесешь на площадь дрова!

– Сумасшедшая! – испуганно шепчет ворон.

Фрида истерично смеется:

– Попрощайся со своей рыжей подругой, Орли! Ха-ха-ха-ха!

С этими словами Фрида буквально выпорхнула из фургончика в надежде оставить его навсегда. Она уже пыталась намекнуть Орландо на свое несчастье, но ворон, кажется, не услышал ее, но скорее всего, как всегда, не захотел услышать. Лошадка проживает не первую жизнь, ей бы очень хотелось наконец-то покончить с этим нескончаемым потоком перерождений. Быть бессмертной очень грустно, ведь все уже давно известно, каждый раз все повторяется заново, снова и снова... как заезженная пластинка выученной наизусть песни, остановить которую нельзя. Колесо Сансары вращается снова и снова, а Фрида в нем – всего-навсего рыжая белка, вынужденная бежать, чтобы не упасть. Каждый раз, когда она закрывает глаза, ей хочется думать, что на этот раз навсегда. Вид солнца ей надоел, его лучи обжигают кожу, но и луну она больше не хочет видеть. Если бы могла, то выбрала бы просто пустую темноту, абсолютную черную дыру, бездну без начала и конца. Первый раз – Фрида К., потом Азраила, Мара, Олеандра и, наконец-то, снова Фрида. Может быть, если в этот раз она попробует сделать это сама, то все наконец-то кончиться? Первая жизнь казалась ей непростой и нелегкой, но она еще не знала в то время, что предстоит быть пони с рыжей гривой! Дашка, как дурная играль-

ная карта, предсказывающая плохие новости, сбила ведьму, и та теперь не знает, как ей доигрывать свою роль.

На площади Свободы сегодня вечером неспокойно. Ворон, чье тело выстроено шестеренками, собирает в кучку дрова, добытые им сегодня в лесу. Он угрюмо смотрит на окружающих, стараясь как можно меньше обращать внимание на все внешнее, стремясь больше уйти в свое внутреннее. На площади собираются недоумевающие жители Хилтопгера, среди них и Дог тоже. Наконец-то появляется Фрида. На ней длинная фиолетовая мантия, стекающая обволакивающей магмой по земле. Аромат распустившихся с приходом весны цветов смешивается с запахом разгоревшихся от ее взгляда дров и поленьев. Лошадка ступает гордо, словно несет на голове пятиконечную корону, боясь уронить ее и свое достоинство заодно. Она снисходительно оглядывает публику, насмешливо улыбаясь и нагло смеясь в лицо. Фиолетовый браслетик, купленный в первый день пребывания в городе яркой ленточкой, обвивает копыто пони. Распушенная грива струится по плечам, в рыжие космы вплетен бутон белой лилии и желтой хризантемы, челка аккуратно уложена спадающей на глаза волной. Зеленые глаза подведены черной тушью, ресницы кажутся еще пышнее, длиннее и выразительнее. Ее движения изящны, но строптивы. Во взгляде чувствуется протест, злая ненависть. Ведьма подходит к разгорающемуся костру.

– Я не могу начать шоу! – громко заявляет она, как ведущий на праздничном концерте. Такое чувство, что из своей смерти лошадка решает сделать красочное представление. Но собравшиеся и приглашенные даже не знают того, зачем они здесь. Вдруг, в толпе загорается пятнышко голубого цвета. Как ни смешно, но самый важный гость, приглашенный на странный «праздник», заявляется самым последним. Разноцветные браслеты на копытах отражают лучи заходящего солнца, сверкая и переливаясь радужными полосками. Бордовая разлохматившаяся челка развеивается на ветру, что приносит с собой прохладу наступающего вечера. Это Дашка. Она с удивлением смотрит на подругу. Сначала Фриды долгое время не было в городе, а теперь, когда она наконец-то вернулась, вместо теплой дружеской посиделки подруга приглашает ее на главную площадь города... Зачем? Дашка сразу же отмечает про себя безупречный внешний вид Фриды, словно та не живое существо из плоти и крови, а хрупкая фарфоровая куколка с витрины магазина. Такое чувство, что лошадка долго и усердно готовилась к этой встрече.

– Дашутка! Вот и ты! – не радостно, а скорее, напряженно и наигранно приветствует пегаса ведьма. – Ты можешь порадоваться вместе со мной! Ведь все это шоу в твою честь!

– Фрида, я не понимаю... О чем ты? Какое шоу? Почему на площади Свободы? Почему здесь горит костер? Разве можно разжигать огонь в городе?.. – взволнованно и путанно кричит

Дашка из толпы.

– Нам с Орландо все можно. Да, Орли? – огненнорыжая оборачивается к ученому. Он стоит совсем рядом с огнем, равнодушно двигая поленья ближе к искрам. Срубленные дрова загораются красным языком пламени, постепенно чернея и превращаясь в уголь, который так любит использовать ворон для своих чертежей и анатомических схем.

– Можно... – апатично поддакивает он, даже не понимая, с чем соглашается.

Фрида тщательно продумывала то, как совершит свой триумфальный уход со сцены. Она пригласила многих, беда в том, что не все из приглашенных поддались уговорам странной рыжей пони и пришли на площадь. Но здесь были Дог и Дашка, конечно же, Орландо, а это главные фигуры в шахматной партии Фриды. Ведьма спланировала многое, но оркестр ей организовать не удалось. Придется умирать без музыки. Но тишины ждать не стоит. Тотчас же раздадутся вскрики ужаса, панические возгласы и вой сирен экстренных служб. Лошадка аккуратно берет за крыло ворона, почти как в первый день, когда она пыталась подняться с деревянного пола в фургоне, только-только появившись в этом месте и в это время. Она странно смотрит на него, словно пытается сказать что-то, но только не языком и не мимикой, а одним лишь взглядом. Орландо старается разгадать это немое послание. Фрида почти беззвучно шепчет ему не то «спасибо», не то «прости». Хотя ни то, ни другое не слишком конкретно

и ясно. Механическая птица из шестеренок любит физику и алгебру, где все можно объяснить формулой и логикой. Фрида – единственная задачка, для которой он не может подобрать верного решения. Взмах царственно-роскошной фиолетовой мантии и... Ведьма бросается в огонь. Толпа возмущенно рокошет, кто-то в ужасе бледнеет и вскрикивает, белая кошечка из пекарни падает от ужаса в обморок, управляющая пабом Реджина пытается вспомнить адрес ближайшей больницы или милиции, чей-то перепуганный голос взволнованно шепчет: «Воды! Воды! Скорей воды!». Глаза Доггера округлились, словно из пса он превращается в ночного ухающего филина.

– Такого я не ожидал... – растерянно бормочет он.

Орландо с испугом смотрит на красное пламя огня, которое стало ярче от рыжей гривы Фриды. Его новые вставленные линзы отражают свет костра. Ворон чувствует страх, даже ужас, который вот-вот перерастёт в безумие и панику. Фрида, даже будучи в огне, ломает его систему, разбрасывает шестеренки, выкидывая болты, вырывая из железного корпуса гайки. Искры пляшут в его глазах. В пламени костра танцует Фрида. И этот костер здесь по вине Орландо. Ученый чувствует, что к нему снова возвращается то неприятное чувство, когда к искусственным глазам подкатывает поднимающее из недр механизма машинное масло черного цвета. «Это просто огонь глаза щиплет. Но... разве он может как-то раздражать мое зрение?» – думает он, пока не замечает

незнакомо́го пегаса, скачу́щего к костру.

– Стой! – кричит он, – ты куда собралась?

– Там Фрида! – обеспокоенно бросает ему на ходу Дашка.

– Она же ведьма, – не впопад отвечает ворон.

– Она не ведьма – она мой друг! – раздраженно откликается пегас.

Ученый рассеянным взглядом смотрит на Дашу. В ее карих глазах стоят слезы, она спешит пробраться сквозь толпу к огню. Неужели надеется спасти Фриду? Орlando никогда не принимает спонтанных решений, не идет на поводу у своих эмоций и тщательно обдумывает каждый свой шаг. Но в эту минуту он почему-то, вдруг, теряет контроль над собой и действует по команде импульса.

– Не нужно, – останавливает он голосом и жестом крылатую подружку Фриды, – я, как видишь, железный и мне не так страшен огонь.

После этого Орlando еще секунду смотрит на пляшущие языки пламени и извивающуюся в них рыжую лошадку, чья мантия мелькает в огне фиолетовыми пятнами. Миг – он с разбега на своем колесе, как выпущенная стрела, погружается в огонь. Совершает скачок в другое измерение с истошным, пронзающим тишину криком, в котором слышится скрежет, стук и щелчки, искаженное человеческое «а-а-а-а-а!». Ворон слышит, как свистит чей-то крик. Но чей он распознать не получается. Возможно, его собственный вопль, возможно, плач Дашки, может, крик боли Фриды. Из

огненной завесы ворон выходит с ведьмочкой, которую он несет на своих железных крыльях. Его механический корпус лишь слегка покрылся черным налетом, а Фриде повезло куда меньше. Ее мантия траурным саваном волочится по земле, распущенная рыжая грива кажется седой из-за осевшего пепла, макияж уродливыми струйками растекся по мордочке, веки закрыты, глазные яблоки отчаянно пульсируют под ними. Грудь разрывает кашель, значит, лошадка еще жива. Ее тело каждый раз вздрагивает от очередного приступа. Дашка с испугом смотрит на подругу, боясь, что та вот-вот задохнется. Кашель начинает раздражать горло. Вдруг, вместе с очередным приступом из ведьмочки выскакивает черный сгусток вязкой слизи. После этого лошадка спокойно делает вдох, умиротворенно выдыхает и открывает глаза.

Первое, что она видит – железный клюв Орландо. Второе – растрепанную бордовую челку Дашки и ее прямые ресницы.

– Почему я еще жива? – удивляется она, пытаясь восстановить разрозненные кусочки воспоминаний прошедших нескольких минут.

– Потому что тебе рано умирать, – пророческим голосом отвечает Орландо. – Ты больше не будешь перерождаться снова и снова, твое колесо Сансары остановилось. Черная скверна на земле – злой дух, мучающий тебя и вспыхивающий в глазах зеленым пламенем. Его больше нет. Ты плачешь. Ты раскаиваешься. Не я буду твоим врачом. Отныне... – не зная имени Дашки, ученый кивнул головой в ее

сторону.

Фрида осторожно опускается на землю. К ней тотчас же подбегает перепуганный и взволнованный Доггер:

– Фридка!! Мощно! Жива?! – Сваливает он все возгласы в одну кучу, – как отрикошетило тебе! Теперь ты на ошибках учишься!

– Что же Вы, профессор Доге, по дисциплине «шоу и эффекты» поставите мне в зачетной книжке? – как всегда лукаво и с ухмылкой спрашивает лошадка, утирая остатки прозрачных, как дождевые капли, слез.

– Хм... За спецэффекты и слезы – «отлично», – дурачится вместе с ней Дог.

Вместе со смехом уходит страх и волнение.

– Дашка, я без тебя так косячила! – с раскаянием и с виноватой улыбкой признается подруге Фрида.

Пегас лишь молча улыбается, чувствуя, что ей все труднее и труднее сдерживать подступающие сентиментальные слезы. Зато теперь она чувствует, что именно с этого момента все пойдет так, как нужно и не будет больше ни истерик, ни воплей отчаяния. И даже белоснежные клыки у ведьмочки больше не смущают ее. Есть вещи, ответы на которые лучше не знать. Дашка готова принять свою подругу такой, какая она есть. Тем более теперь, когда их дружбе, кажется, больше ничто не угрожает. Фрида отряхивает гриву от пепла, к испорченным огнем локонам возвращается рыжий цвет. Пегас помогает очистить пряди от мусора и, вдруг, начинает

заплетать гриву своей подружки в тугую косу.

– Тебе так больше идет, – поясняет она.

Фрида соглашается. Раз уж она перестала быть строптивой бестией, то почему бы и ее гриве не стать покорнее?

– Что делает Орландо? – неожиданно спрашивает Доггер.

Все обернулись на птицу. Ворон вытаскивает откуда-то из-за пазухи те самые шахматы, на которые наложила чары ведьмочка. Он резким движением кидает черно-белую доску в огонь.

– Это единственное, что должно сегодня сгореть, – строго заключает он.

Доска моментально охватывается языками красного пламени, возмущенно потрескивает, но все-таки медленно и постепенно начинает тлеть.

– Там был мой автограф... – грустно произносит Дог.

– Ничего, – отмахивается Фрида, стирая со щек следы сажи и копоты, – Орли прав. Распишешься еще раз на чем-нибудь другом.

Помедлив, рыжая обращается к Орландо:

– Спасибо...

В ее голосе появляются нотки искренней благодарности. Лошадка изучает новые эмоции. Эта жизнь не похожа на все предыдущие. Она совершенно другая и тем интересная.

Орландо молча пожимает крыльями, собираясь убраться из города прочь.

– Стойте, ворон, – обращается к нему дружелюбный пе-

гас, – останьтесь с нами. Вы как птица Феникс возродились с Фридой из огня! Раз Вы ее друг, то и мой тоже. Будем общаться, встречаться, пить, в конце концов чай, читать одинаковые книжки...

– Нет, – резко отказывается ученый, – не останусь. Чай мне нельзя, а те книги, что я изучаю вы не станете читать.

– Брось, Орли, – уговаривает Фрида, – будем вместе учиться новому, откроем совершенно другую жизнь для себя! Я же знаю, ты хороший...

– Если внедрить в часы лишний механизм – они сломаются, – многозначительно говорит птица.

– Или приобретут новую функцию? – Подсказывает лошадка со стертыми алыми губами.

Орландо молчит. Ему бы хотелось еще раз услышать то, как Фрида ласково называет его «Орли», это больше не раздражает, а приятно радует. Но...с привязанностями лучше заканчивать. К чему, как не к идеалу аскета, живущего среди книг и научных схем, стремился он и его разум? Что он будет делать в компании Фриды и Дашки? Возможно, они бы что-то придумали, но это явно не то, на что ученый будет тратить свою умную голову, которая может родить еще сотни открытий и достижений в научных сферах.

– В своей жизни я сделал одну большую ошибку, – философски начинает он. – Я не заменил на шестеренки свое сердце...*Cujusvis hominis est errare, nullius nisi insipientis in*

ergo perseverare²⁰. И тем не менее... Моя уверенность в себе когда-нибудь иссякнет. В сущности, я точно такой же несовершенный механизм, как и все вы. Только вы хотите мне помочь, а я не собираюсь помогать себе!

С этими словами Орландо разворачивается, начав свой путь в сторону леса. Фрида с тоской и грустью смотрит ему вслед. Ей жаль этого одинокого ворона, который отверг руку, предложившую помощь. Наверное, ему будет очень грустно, а потом – обидно и тоскливо. Возможно, он кончит тем, что окончательно сойдет с ума. И тогда разберет себя на части от отчаяния или от того, что безумство стальной хваткой начнет душить. Но, может, ведьмочка заблуждается и Орландо, Орли, найдет свой путь в науке, дальше посвящая себя только ей одной. Это его дорога. Дорога одинокого ученого, пожертвовавшим всем ради Вечного Разума.

– Adieu²¹... – роняет напоследок рыжая, не надеясь на то, что ее услышит Орландо.

– Пойдемте-ка лучше в «Black cat», – предлагает Доггер, – там хорошие песни сегодня будут петь.

– Это какие? – спрашивает Фрида. – Твои что ли?

– Так точно! – радостно соглашается панк.

Глава 33. Спой со мной

Яркие огни у сцены освещают фигуру в коричневом пла-

---

²⁰ каждому человеку свойственно ошибаться, но никому, кроме глупца, не свойственно упорствовать в ошибке (лат.)

²¹ Прощай (фр.)

ще с нашивкой в виде черепа. Певец двумя лапами держится за микрофон, громко крича в него бунтарские панковские мотивы. Толпа у сцены радостно топает по полу лапами, визжит, размахивает плакатами с лозунгами, расталкивают друг друга ради веселья. Среди них выделяется пятно рыжей гривы Фриды, собранной в косу, перевязанной алой резинкой, и пятнышко небесного цвета поменьше – Дашка. На сцене зажигает Доггер, чувствуя невероятный прилив безбашенной энергии и искренне радуясь, что он снова выступает на этой закиданной окурками сцене. Джейн без зависти, но с извечной печалью в голубых глазах скачет в обнимку со своей гитарой, наслаждаясь музыкой и энергией всеобщего угара. Песня кончается, с ней уходит целый мир из слов и аккордов. Панк-рокер пыхтит в микрофон, пытаясь и отдышаться, и сказать слово одновременно:

– А сейчас я уйду на время в тень, чтобы пригласить к этому микрофону нашу гитаристку Джей-Джей! Черную кошатину, в честь которой и названа эта пивнушка!

– Меня?! – испуганно и удивленно переспрашивает Джейн, сразу крепко схватившись за гриф гитары. – Но... паб не назван в честь меня...И я...

Пес с ирокезом настойчивыми жестами приглашает ее к микрофону, размахивая лапами, мол, «какая разница? Главное: иди и пой уже!». Джейн осторожно берется за микрофон, закрепляет его на стойке и сначала дрожащим голосом взволнованно говорит, поглядывая на улыбающегося в сто-

роне Дога:

– Я...Впервые на этой сцене, как певец...Всё музыкант...Не скрою – это давняя мечта, мне всегда хотелось, чтобы меня услышали, мой голос, песни...

– Начинай уже! – доносится нетерпеливый возглас из толпы.

– Ты прав! – резко и бодро соглашается Джейн. Она втягивает когти, быстро-быстро набирает аккорды, как только музыка начинает звучать, ее голос становится уверенным, сильным, мощным и звучным. Она улыбается.

Зал восторженно вопит и вторит ей на финальных строчках песни. Дог радостно мотает головой в такт музыки, пластично пританцовывая на заднем плане, заводя толпу еще больше. Реджина, услышав что-то новенькое, спустилась посмотреть, что же такое необычное творится на сцене. Жанна на какое-то время прекращает разносить полные тарелки, пустые кружки, одобрительным визгом поддерживая Джейн, искренне радуясь за черную кошку и похлопывая в такт в ладоши. По залу разлетаются строки:

– Пластмассовый мир победил

Макет оказался сильней.

Последний кораблик остыл

Последний фонарик устал.

А в горле сопят комья воспоминаний

О-о, моя оборона –

Солнечный зайчик стеклянного глаза,

О-о, моя оборона –
Траурный мячик нелепого мира,
Траурный мячик дешёвого мира.
Пластмассовый мир победил,
Ликует картонный набат –
Кому нужен ломтик июльского неба?
О-о, моя оборона –
Солнечный зайчик незрячего мира,
О-о, моя оборона –
Траурный мячик стеклянного глаза,
Траурный зайчик нелепого глаза²²...

Эпилог

– Так, Черника, чего ты там последнее написал?

– Дописываю: «Траурный зайчик нелепого глаза»...

– Молоток!

– Неужели все так и было, Доггер, а? Правда-правда так было?

– Кого хочешь спроси – все подтвердят. Вон, Глэйзюру спроси.

– Подтверждаю! Честное психиаторское!

– Лирики, конечно, много получилось... М-да... А что делать? Весна! У-у-у, в «Black cat» пора идти! Руководству со мной худо, а без меня – еще хуже! На том и стою. Так и живу. И ведь буду, мать моя анархия, жить!

---

²² Егор Летов «Моя оборона»

– А я без тебя Вертинского читал...

– Уж прям Вертинского? Читал? В пабе?!

– Да! Сшил костюм, гуталином раскрасился и прочитал под аккомпанемент фортепиано. Ух, с трудом, а все-таки нашли инструмент. Прошу прощения, но теперь нам время от времени вместе выступать. Зрители попросили меня о продолжении.

– Ну, чудеса!

– Джули тоже очень понравилась!

– Кому?

– Джули! Я не рассказывал о ней? О, какая досадная ошибка с моей стороны! Она просто прекрасна, ни в жизни такой не встречал!

– Ну-у-у-у во-о-от... Опять началось... Я это уже слышал несколько раз, и все у тебя каждый раз как в первый.

– Нет, ты не прав! Этот случай особый и исключительный. Я посвятил Джули уже несколько стихотворений. Она находит их очень милыми.

– Ладно... Ну, а с публикой – молодец. Не растерялся. Сообразил и ловко сделал. Это же глубокая и интересная тема: веселый Арлекин и грустный Пьеро на одной сцене!

– И я о том же подумал!

– Конечно. Ты же способный ученик.

– Как?

– Способный ученик! Ну, не подмастерье же уже в конце концов!

– Дог, то есть, Учитель, Вы хотите сказать, что я Ваш ученик? Прошу прощения...

– Хочу. Хочу и говорю. Ты мой ученик!

– Я счастлив, я так счастлив! Вы не представляете!

– Представляю. Погоди радоваться. Забыл, что ты там последнее написал?

– Ох, Учитель, мне, к своему стыду и позору, не хватает слов, чтобы описать все те радостные и счастливые эмоции, что переполняют меня в эту минуту! Ах, прошу прощения. Я записал: ««Траурный зайчик нелепого глаза»».

– Хорошо. Это будет прекрасная пьеса! В ней каждый сыграет самого себя! Успех обеспечен! Построим в пабе театр! Настоящий камерный театр! И тоже сделаем из этого пьесу. Моя воля: всю свою жизнь превратить в пьесу и обыграть ее на сцене! Талант, что тут скажешь! Ну ладно, Черничка-ученик, теперь осталось написать одно-лишь слово в этой истории...

Конец